

ИД «Академия Естествознания»

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Научный журнал

№ 9 2023

**FUNDAMENTAL
RESEARCH**

Scientific journal

No. 9 2023

PH Academy of Natural History

Фундаментальные исследования Научный журнал

Журнал издается с 2003 года.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397.

«Фундаментальные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, научные обзоры.

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий (ВАК РФ). К1.

В журнале публикуются статьи, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты завершённых исследований, проблемного или научно-практического характера. Журнал ориентируется на ученых, преподавателей, экономистов. Авторы журнала уделяют особое внимание экономической эффективности рассматриваемых решений.

Основные разделы журнала – экономические науки.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

Технический редактор

Доронкина Е.Н.

Корректор

Галенкина Е.С.,

Дудкина Н.А.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. *Алибеков Ш.И.* (Кизляр); к.э.н., доцент, *Беспалова В.В.* (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. *Бурда А.Г.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Василенко Н.В.* (Отрадное); д.э.н., доцент, *Гиззатова А.И.* (Уральск); д.э.н., проф. *Головина Т.А.* (Орел); д.э.н., доцент, *Довбий И.П.* (Челябинск); д.э.н., доцент, *Дорохина Е.Ю.* (Москва); д.э.н., проф. *Зарецкий А.Д.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Зобова Л.Л.* (Кемерово); д.э.н., доцент, *Каранина Е.В.* (Киров); д.э.н., проф. *Киселев С.В.* (Казань); д.э.н., проф. *Климовец О.В.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Князева Е.Г.* (Екатеринбург); д.э.н., проф. *Коваленко Е.Г.* (Саранск); д.э.н., доцент, *Корнев Г.Н.* (Иваново); д.э.н., проф. *Косякова И.В.* (Самара); д.э.н., проф. *Макиринова Е.И.* (Белгород); д.э.н., проф. *Медовый А.Е.* (Пятигорск); д.э.н., проф. *Покрытан П.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Потышняк Е.Н.* (Харьков); д.э.н., проф. *Поспелов В.К.* (Москва); д.э.н., проф. *Роздольская И.В.* (Белгород); д.э.н., доцент, *Самарина В.П.* (Старый Оскол); д.э.н., проф. *Серебрякова Т.Ю.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Скуфьина Т.П.* (Апатиты); д.э.н., проф. *Титов В.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Федотова Г.В.* (Волгоград); д.э.н., проф. *Филькевич И.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Халиков М.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Цапулина Ф.Х.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Чиладзе Г.Б.* (Тбилиси); д.э.н., доцент, *Ювица Н.В.* (Астана); д.э.н., доцент, *Юрьева Л.В.* (Екатеринбург)

ISSN 1812-7339

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,674

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,473

Периодичность	12 номеров в год
Учредитель, издатель и редакция	ООО ИД «Академия Естествознания»
Почтовый адрес	105037, г. Москва, а/я 47
Адрес редакции и издателя	440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3
Типография	ООО «НИЦ Академия Естествознания» 410035, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5
E-mail	edition@rae.ru
Подписано в печать	29.09.2023
Формат	60x90 1/8
Тираж	1000 экз.
Телефон	+7 (499) 705-72-30
Дата выхода номера	31.10.2023
Усл. печ. л.	5,0
Заказ	ФИ 2023/9

Распространяется по свободной цене

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России»: ПА035

© ООО ИД «Академия Естествознания»

Fundamental research Scientific journal

The journal has been published since 2003.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. **Certificate – PI No. FS 77-63397.**

"Basic Research" is a peer-reviewed scientific journal, which publishes articles of a problematic, scientific and practical nature and scientific reviews.

The journal is included in the current List of peer-reviewed scientific publications (**HCC RF**). **K1.**

The journal publishes articles of scientific novelty, which are the results of completed research, of a problematic or scientific-practical nature. The journal focuses on scientists, teachers, economists. The authors of the journal pay special attention to the economic efficiency of the considered solutions.

The main sections of the journal are economic sciences.

CHIEF EDITOR

Ledvanov Mikhail Yurievich, Dr. Sci. (Medical), Prof.

Technical editor

Doronkina E.N.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bichurin Mirza Imamovich, Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Prof.

Corrector

Galenkina E.S.,

Dudkina N.A.

EXECUTIVE SECRETARY

Bizenkova Maria Nikolaevna, Cand. Sci. (Medical)

EDITORIAL BOARD

Dr. of Economics, Prof. *Alibekov Sh.I.* (Kizlyar); Cand. of Economics, Docent, *Bespalova V.V.* (Saint Petersburg); Dr. of Economics, Prof. *Burda A.G.* (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. *Vasilenko N.V.* (Otradnoye); Dr. of Economics, Docent, *Gizatova A.I.* (Uralsk); Dr. of Economics, Prof. *Golovina T.A.* (Orel); Dr. of Economics, Docent, *Dovbii I.P.* (Chelyabinsk); Dr. of Economics, Docent, *Dorokhina E.Yu.* (Moscow); Dr. of Economics, Prof. *Zaretsky A.D.* (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. *Zobova L.L.* (Kemerovo); Dr. of Economics, Docent, *Karanina E.V.* (Kirov); Dr. of Economics, Prof. *Kiselev S.V.* (Kazan); Dr. of Economics, Prof. *Klimovets O.V.* (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. *Knyazeva E.G.* (Ekaterinburg); Dr. of Economics, Prof. *Kovalenko E.G.* (Saransk); Dr. of Economics, Docent, *Kornev G.N.* (Ivanovo); Dr. of Economics, Prof. *Kosyakova I.V.* (Samara); Dr. of Economics, Prof. *Makrinova E.I.* (Belgorod); Dr. of Economics, Prof. *Medovyy A.E.* (Pyatigorsk); Dr. of Economics, Prof. *Pokrytan P.A.* (Moscow); Dr. of Economics, Docent, *Potyshnyak E.N.* (Khar'kov); Dr. of Economics, Prof. *Pospelov V.K.* (Moscow); Dr. of Economics, Prof. *Rozdolskaya I.V.* (Belgorod); Dr. of Economics, Docent, *Samarina V.P.* (Stary Oskol); Dr. of Economics, Prof. *Serebryakova T.Yu.* (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. *Skufina T.P.* (Apatity); Dr. of Economics, Prof. *Titov V.A.* (Moscow); Dr. of Economics, Docent, *Fedotova G.V.* (Volgograd); Dr. of Economics, Prof. *Filkevich I.A.* (Moscow); Dr. of Economics, Prof. *Khalikov M.A.* (Moscow); Dr. of Economics, Prof. *Tsapulina F.Kh.* (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. *Chiladze G.B.* (Tbilisi); Dr. of Economics, Docent, *Yuvitsa N.V.* (Astana); Dr. of Economics, Docent, *Yurieva L.V.* (Ekaterinburg)

ISSN 1812-7339

Electronic version: <http://fundamental-research.ru>

Rules for authors: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Impact-factor RISQ (two-year) = 1,674

Impact-factor RISQ (five-year) = 0,473

Periodicity	12 issues per year		
Founder, publisher and editors	LLC PH Academy of Natural History		
Mailing address	105037, Moscow, p.o. box 47		
Editorial and publisher address	440026, Penza, st. Lermontov, 3		
Printing house	LLC SPC Academy of Natural History 410035, Saratov, st. Mamontova, 5		
E-mail	edition@rae.ru	Telephone	+7 (499) 705-72-30
Signed for print	29.09.2023	Number issue date	31.10.2023
Format	60x90 1/8	Conditionally printed sheets	5,0
Circulation	1000 copies	Order	ФИ 2023/9

Distribution at a free price

Subscription index in the Russian Post electronic catalog: PA035

© LLC PH Academy of Natural History

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика)

СТАТЬИ

ОБОСНОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ПРОГРЕССИВНОЙ ШКАЛЫ ПОДОХОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ <i>Гафарова Л.А.</i>	6
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ДВФО: КАК ВКЛЮЧИТЬ СРЕДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ СБЕРЕЖЕНИЙ В ИНВЕСТИЦИИ <i>Кривелевич М.Е.</i>	12
МЕРЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ В ФОРМИРОВАНИИ ГИБРИДНОЙ МОДЕЛИ КООРДИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ <i>Огородникова Е.С., Плахин А.Е.</i>	17
АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ И ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ <i>Пивоварова О.В., Дудник А.И.</i>	24
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОПЕРАТОРА В ПРАКТИКЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ <i>Плюснина О.М., Стремоусова Е.Г.</i>	29
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА <i>Самусенко С.А., Ямщиков А.С., Ревкуц А.В., Мельникова Т.А., Семенова А.Р.</i>	35

CONTENTS

Economic sciences (5.2.4 Finance, 5.2.5 World economy)

ARTICLES

JUSTIFICATION OF THE RATES OF THE PROGRESSIVE
PERSONAL INCOME TAXATION IN RUSSIA

Gafarova L.A. 6

DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL MARKET AND
INVESTMENT INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN FAR EAST:
HOW TO INCORPORATE HOUSEHOLDS FUNDS IN THE PROCESS
OF TRANSFORMATION OF SAVINGS INTO INVESTMENTS

Krivelevich M.E. 12

MEASURES OF FINANCIAL SUPPORT IN THE FORMATION
OF A HYBRID MODEL OF COORDINATION OF THE SOCIAL SPHERE

Ogorodnikova E.S., Plakhin A.E. 17

ANALYSIS OF APPROACHES TO THE CONCEPT
AND ASSESSMENT OF LIVING STANDARDS

Pivovarova O.V., Dudnik A.I. 24

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE INSTITUTION
OF AN AUTHORIZED ECONOMIC OPERATOR
IN THE PRACTICE OF CUSTOMS AUTHORITIES

Plyusnina O.M., Stremousova E.G. 29

THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CAPACITY
OF THE KRASNOYARSK KRAI IN THE CONTEXT
OF CHANGE IN INTERNATIONAL COOPERATION

Samusenko S.A., Yamschikov A.S., Revkuts A.V., Melnikova T.A., Semenova A.R. 35

СТАТЬИ

УДК 336.226
DOI 10.17513/fr.43497

ОБОСНОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ПРОГРЕССИВНОЙ ШКАЛЫ ПОДОХОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ

Гафарова Л.А.

*Институт социально-экономических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Уфа, e-mail: lgafarova5@gmail.com*

Цель статьи – математическое обоснование количественных значений основных параметров прогрессивной шкалы подоходного налогообложения в российских условиях, соответствующих ключевым приоритетам национального и регионального развития. В работе обосновываются налоговые ставки предлагаемой прогрессивной шкалы подоходного налогообложения. На основе методов регрессионного анализа определена граница необлагаемого минимума подоходного налога, соответствующая социально и экономически значимым критериям развития. Совершенствование метода линейной трансформации учетом дифференцированного налогообложения дохода в рамках отдельных интервалов налогообложения, поскольку при прогрессивном налогообложении налоговая ставка интервала дохода и средняя налоговая ставка данного интервала не равны, позволило обосновать и определить ставки подоходного налога предлагаемой шкалы налогообложения. Обоснованные в исследовании ставки предлагаемой прогрессивной шкалы подоходного налогообложения позволят обеспечить решение взаимосвязанных задач по снижению налоговой нагрузки на низкодходные группы населения, повышению предпринимательской и сберегательной активности среднедоходной группы населения, усилению роли высокодоходных групп в формировании доходной части бюджета. Использование результатов проведенного исследования видится в развитии метода линейной трансформации при совершенствовании шкалы подоходного налога и других инструментов налоговой политики; расширении методов регрессионного анализа для исследования и анализа различных факторов, влияющих на параметры налоговой политики. В дальнейших исследованиях данной проблемы считаем целесообразным учет региональных аспектов формирования механизмов подоходного налогообложения с позиций уровня развития и доходов каждого региона, специфики природно-климатических условий, уровня цен в регионе.

Ключевые слова: подоходное налогообложение, налоговая политика, прожиточный минимум, неравенство доходов, государственный бюджет, регрессионный анализ

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

JUSTIFICATION OF THE RATES OF THE PROGRESSIVE PERSONAL INCOME TAXATION IN RUSSIA

Gafarova L.A.

*Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, e-mail: lgafarova5@gmail.com*

The purpose of the article is mathematical substantiation of the quantitative values of the scale of the progressive personal income taxation in Russia, corresponding to the key priorities of national and regional development. The paper substantiates the tax rates of the proposed progressive personal income taxation. Based on the methods of regression analysis, the boundary of the non-taxable minimum income tax, corresponding to socio-economically significant development criteria, was determined. Improving the method of linear transformation taking into account differentiated taxation of income within individual taxation intervals, since with progressive taxation the tax rate of an income interval and the average tax rate of a given interval are not equal, made it possible to justify and determine the income tax rates of the proposed taxation scale. The rates of the proposed progressive personal income taxation, justified in the study, will make it possible to solve the interrelated tasks of reducing the tax burden on low-income groups, increasing the entrepreneurial and savings activity of the middle-income group, and strengthening the role of high-income groups in the formation of the budget revenues. The use of the results of the study is seen in the further development of the linear transformation method in improving the income tax scale and other tax policy instruments; expanding the methods of regression analysis for the study and analysis of various factors influencing the parameters of tax policy. In further studies of this problem, we consider it appropriate to take into account the regional aspects of the formation of personal income taxation mechanisms from the standpoint of the level of development and income of each region, the specifics of natural and climatic conditions, and the level of prices in the region.

Keywords: personal income tax, tax policy, living wage, government budget, income inequality, regression analysis

The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025.

Наличие серьезных социальных и экономических проблем функционирования российского общества, таких как чрезвычайные масштабы неравенства доходов, растущая проблема бедности, отсутствие эффективного платежеспособного спроса, ставят вопросы усиления роли налоговых механизмов решения данных проблем и, в частности, введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения. В российских исследованиях рассматриваются предлагаемые основные параметры системы прогрессивного подоходного налогообложения: ставки подоходного налога, границы налогообложения, дается расчет эффекта их введения. При этом подобные исследования требуют дополнения анализа проблемы математическим обоснованием и учетом не только социальных, но связанных с ними экономических проблем для достижения системного социально-экономического эффекта.

В этой связи целью исследования является обоснование ставок предлагаемой прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц (НДФЛ), учитывающей социально-экономические факторы и условия российской экономики. Выполнение этой задачи предполагает обоснование с использованием методов математического моделирования минимальной необлагаемой границы подоходного налога, а также ставок шкалы подоходного налога, соответствующих основным критериям и приоритетам развития.

Результаты исследования могут быть теоретической основой для дальнейших работ в области совершенствования инструментов и методов анализа факторов и процессов подоходного налогообложения, а также использованы в качестве рекомендаций при разработке направлений налоговой политики.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования были использованы теоретические и практические научные публикации зарубежных и российских ученых в области налогообложения, а также статистические данные. В качестве методов исследования были использованы: комплексный и системный подходы, формально-логические методы, статистические методы, методы регрессионного анализа, метод линейной трансформации.

Результаты исследования и их обсуждение

Разработка прогрессивной шкалы подоходного налогообложения базируется на результатах исследований, включающих ре-

грессионный анализ влияния степени прогрессивности шкалы налога на динамику социоэкономических процессов: динамику ВВП, объем налоговых доходов, уровень неравенства доходов. Согласно исследованиям Дж.Д. Остри, Ф. Берга, К. Тсангаридеса, прогрессивность шкалы подоходного налога не оказывает какого-либо влияния на экономический рост. Другие авторы, например К. Гербер, А. Клемм, Л. Лиу, В. Милонас, выявляют незначительное положительное влияние прогрессивности [1, 2]. Это обуславливает существование больших возможностей по увеличению прогрессивности шкалы подоходного налогообложения без риска для экономического роста.

К. Сабирьянова Питер, С. Баттрик, Д. Данкан, проанализировав взаимосвязь между ставками подоходного налога и объемом аккумулируемого дохода от налога, выявили существенное отличие этой взаимосвязи в странах разного уровня развития. В частности, существует статистически значимая положительная связь между налоговыми ставками и сбором подоходного налога в странах с высоким уровнем дохода. С другой стороны, страны с низким уровнем дохода демонстрируют очень слабую связь между налоговыми ставками и отношением доли подоходного налога к объему ВВП, что определяется размером неформального сектора экономики [3]. Также авторами выявлено, что прогрессивность уменьшает неравенство в доходах, при этом прогрессивность шкалы подоходного налога оказывает большее выравнивающее воздействие в условиях, поддерживающих перераспределение в пользу низкодходных слоев населения. Другие авторы выделяют дополнительные факторы, определяющие зависимость между степенью прогрессивности подоходного налогообложения и неравенства доходов, в частности мультипликативный эффект от сокращения налогов [4, 5].

Согласно исследованиям Д. Бенедик, Х. Бенитеса, Ч. Веллутини изменение минимальной ставки подоходного налогообложения оказывает положительное влияние на объем поступлений подоходного налога в государственный бюджет, изменение максимальной ставки подоходного налога вызывает однонаправленное влияние на объем поступлений в развитых странах и обратно пропорционально поступлениям подоходного налога в странах с низким уровнем дохода [6].

Переход от пропорциональной к прогрессивной системе налогообложения при снижении уровня поступлений подоходного налога в государственный бюджет

рассматривается О.В. Калининой [7]. Ею предлагается метод трансформации – математическое обоснование количественных значений прогрессивной шкалы, который позволяет рассчитать прогрессивные ставки подоходного налогообложения физических лиц с учетом различных факторов. Переход от плоской к прогрессивной шкале обосновывается с учетом социального характера перераспределения налогового бремени среди населения, главным образом его сокращения на низкодоходные слои, при возможности увеличения поступлений в государственный бюджет.

Современные исследования основных закономерностей влияния уровня доходов на сбережения показывают, что темпы роста реального располагаемого частного дохода на душу населения оказывают положительное и значительное влияние на норму частных сбережений – по мере того, как частные агенты становятся богаче или их доходы растут быстрее, норма их сбережений увеличивается. Согласно оценочным коэффициентам, увеличение дохода на 10% повышает норму частных сбережений на 0,47 процентных пункта. В свою очередь, расчетный коэффициент показывает, что увеличение темпов роста доходов на 1 процентный пункт приводит к увеличению нормы частных сбережений на 0,45 процентных пункта в краткосрочной перспективе [8].

Анализ российских условий, в частности региональной специфики, выявил противоречивые результаты влияния доходов на норму сбережения. Согласно исследованиям М.Ю. Малкиной, И.Ю. Храмовой, Т.А. Поповой, высокая норма сбережения наблюдается как в более развитых регионах, так и в регионах с низкими среднедушевыми доходами [9, 10].

Для обоснования ставок прогрессивной шкалы подоходного налогообложения в российских условиях, в данном исследовании выделим следующие этапы:

1. Определение границы необлагаемого минимума. Выполнение данной задачи обеспечим с помощью реализации двух взаимосвязанных принципов.

Во-первых, минимальная необлагаемая граница должна быть не меньше основных количественных минимальных социальных гарантий [11]. В качестве такого критерия принимается минимальный потребительский бюджет (28750 руб. в месяц), равный двум величинам прожиточного минимума (по методологии Министерства труда и социальной защиты РФ и ФНПР), с 1 января 2023 г. установленного в размере 14375 руб. в месяц.

Во-вторых, в соответствии с выше-рассмотренными принципами, из-под подоходного налогообложения должен выводиться доход, обеспечивающий полный объем расходов на потребительские блага, поскольку повышенное налогообложение групп населения с доходами ниже средних, являющихся потенциальными потребителями продукции отечественных производителей, приводит к снижению спроса. Большую часть в структуре потребительских расходов этой группы населения составляют расходы, потенциально ориентированные на отечественные отрасли экономики. Поэтому в данном исследовании при определении величины необлагаемого минимума НДФЛ предлагается использовать принцип на основе анализа сбережений населения, как избытка денежных ресурсов над потреблением. При этом данная граница дохода должна быть не меньше величины определяемого минимального потребительского бюджета.

Анализ сбережений населения в данном исследовании проводится в региональном разрезе во взаимосвязи со среднедушевыми доходами в субъектах РФ за 2021 г. методом регрессионного анализа. Согласно проведенному анализу была получена регрессионная модель, описываемая квадратичной функцией (рисунок).

Проведем оценку адекватности модели по следующим статистическим характеристикам:

Индекс детерминации:

$$R^2 = 0,722^2 = 0,5214;$$

F-критерии Фишера:
– критический (табличный)

$$F_{табл} = F(0,05, 2, 84) = 3,1052;$$

– фактический

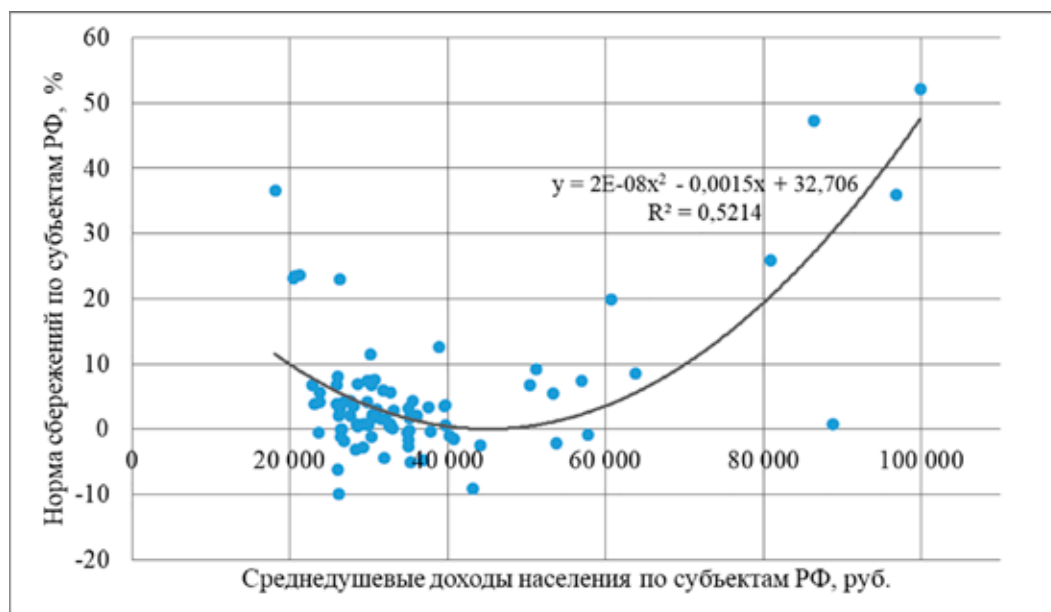
$$F_{факт} = 39,5323;$$

Поскольку $F_{факт} > F_{табл}$, то уравнение регрессии статистически значимо.

Критерии Дарбина – Уотсона:
– критические (табличные) $d_1 = 1,62, d_2 = 1,67;$
– фактический $d = 1,922;$

$d_2 < d < 2$ отсутствие автокорреляции остатков.

Полученная модель является значимой по критерию Фишера, однако значение индекса детерминации составляет 0,5214, что говорит о недостаточной объясняющей силе модели. Также можно отметить низкие значения коэффициентов при переменных полученной функции. Однако, учитывая результаты оценки, примем полученную функциональную зависимость в качестве рекомендательной модели.

Зависимость нормы сбережений и среднедушевых доходов по субъектам РФ, 2021 г.
 Источник: собственные расчеты автора

Анализ полученной функциональной зависимости средней нормы сбережений от среднего уровня доходов по регионам показывает, что, во-первых, регионы с низким уровнем денежных доходов демонстрируют высокую склонность к сбережениям. Это можно объяснить фактором вынужденных сбережений, поскольку низкий уровень доходов и риск потери имеющегося низкого дохода приводит к снижению спроса и потребления и росту сбережений (в интервале среднедушевого дохода примерно до 25000 руб. в месяц).

С ростом доходов происходит увеличение объемов потребления, что приводит к отрицательным сбережениям: сокращению накопленных сбережений и росту получения кредитных ресурсов (от 25000 до примерно 45000 руб.).

Дальнейший рост доходов приводит к росту сбережений, что можно объяснить превышением денежных ресурсов над потреблением (по кейнсианской теории сбережений). Данная переломная точка является оптимальной для определения необлагаемого минимума подоходного налога.

Для определения этой границы найдем экстремум полученной квадратичной функциональной зависимости нормы сбережений от среднедушевого дохода. По расчетам он составляет 45220 руб. Поскольку в анализе использовались средние величины, для определения необлагаемого минимума используем медианный уровень среднедушевого дохода. Медианный доход

составляет по расчетам 74,7% от среднедушевого дохода. В итоге примем за границу рекомендуемого необлагаемого минимума НДФЛ округленную величину дохода в 35000 руб. в месяц (в целях снижения издержек администрирования).

2. На следующем этапе определим конкретные величины налоговых ставок НДФЛ прогрессивной шкалы для других интервалов доходов.

Основным параметром формирования налоговых ставок разрабатываемой прогрессивной шкалы является социально значимый критерий – величина налоговой ставки для самой низкодоходной группы населения, которая в нашем случае равна нулю. Учет данного базового социально значимого критерия лежит в основе метода линейной трансформации, который позволяет перевести исходную плоскую шкалу подоходного налогообложения в прогрессивную с равным итоговым налоговым доходом. Таким образом, определение налоговых ставок прогрессивной шкалы подоходного налогообложения произведем с помощью метода линейной трансформации, непосредственно учитывая основную социально значимый критерий [7]. Базовым условием перехода к прогрессивной шкале налогообложения в рамках метода линейной трансформации является равенство налогооблагаемой базы и величины суммарного налога на доходы физических лиц до (C_0) и после (C) введения прогрессивной шкалы налогообложения:

$$C = C_0 = S_0 n_0, \quad (1)$$

где S_0 – существующая налогооблагаемая база; n_0 – единая ставка налога при плоской шкале налогообложения.

Однако метод трансформации плоской шкалы в прогрессивную не учитывает то, что при прогрессивном налогообложении налоговая ставка интервала дохода и средняя налоговая ставка данного интервала не равны: в каждом налогооблагаемом интервале по заданной ставке облагается не весь доход, а только прирост интервального дохода.

Поэтому введем в базовое условие (1) учет дифференцированного налогообложения дохода в рамках отдельных интервалов налогообложения:

$$\begin{aligned} & w_1 l_1 n_1 + (w_2 - g_1) l_2 n_2 + g_1 l_2 n_1 + \\ & + (w_3 - g_2) l_3 n_3 + (g_2 - g_1) l_3 n_2 + \\ & + g_1 l_3 n_1 + \dots + (w_i - g_{i-1}) l_i n_i + \\ & + (g_{i-1} - g_{i-2}) l_i n_{i-1} + \dots + \\ & + (g_2 - g_1) l_i n_{i-2} + g_1 l_i n_1 = S_0 n_0, \end{aligned} \quad (2)$$

где w_i – средняя заработная плата в i -м интервале налогообложения; l_i – численность населения в i -м интервале; g_i – верхняя граница интервала налогообложения по налоговой ставке n_i ; n_i – налоговая ставка i -го интервала налогообложения ($g_i - g_{i-1}$).

Так как прирост ставки налога Δ от интервала к интервалу постоянен (по условию линейного возрастания налоговой ставки), то запишем

$$\Delta = n_{i+1} - n_i = const,$$

а ставка в группе будет

$$n_i = n_1 + \Delta \cdot (i - 1), \quad (3)$$

трансформируем формулу (2) и подставим Δ . В результате получаем

$$\Delta = \frac{S_0 n_0}{\sum_{j=2}^n (j-1) w_j l_j - \sum_{i=1}^{n-1} g_i (\sum_{i=1}^{n-1} l_{i+1})}. \quad (4)$$

Подставив формулу (4) в формулу (3), в итоге получаем формулу (5)

$$n_i = n_1 + \frac{S_0 n_0 (i-1)}{\sum_{j=2}^n (j-1) w_j l_j - \sum_{i=1}^{n-1} g_i (\sum_{i=1}^{n-1} l_{i+1})}.$$

Для определения налоговых ставок прогрессивной шкалы налогообложения по формуле (5) используем данные Росстата по средней заработной плате по десятипроцентным (децильным) группам работников в Российской Федерации в апреле 2023 г. (табл. 1).

На основе произведенных расчетов получили следующие ставки прогрессивной шкалы НДФЛ, которые дают равные величины суммарного подоходного налога до и после введения прогрессивной шкалы (табл. 2).

Округление рассчитанных ставок налога дает увеличение общего объема аккумулируемых посредством прогрессивного налога доходов. Таким образом, переход на прогрессивную линейную шкалу подоходного налогообложения при нулевой ставке для первой низкодоходной группы населения вызвал снижение налоговой ставки с 13 до 10% для второй группы и рост налоговой ставки для высокодоходных групп. Для нахождения ставок прогрессивного налога можно также использовать более дробную шкалу налогообложения, с учетом того, что в практическом плане данное направление может вызвать рост издержек по администрированию налога.

Перспективным направлением дальнейших исследований в рамках данной проблемы является ввод нелинейной зависимости при формировании прогрессивной шкалы налогообложения, использование методов моделирования [12, 13], а также совершенствование ставок и интервалов налогообложения с учетом региональных аспектов: дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития и доходов, различных природно-климатических условий [14, 15], рыночной конъюнктуры.

Таблица 1

Распределение средней заработной платы в России по десятипроцентным (децильным) группам работников

Группы	1	2	3	4	5
Средняя заработная плата, руб.	18145,5	27165,4	34322,6	41200,5	48496,5
Доля оплаты труда, в %	2,5	3,7	4,7	5,7	6,7
Группы	6	7	8	9	10
Средняя заработная плата, руб.	57007,6	67962,1	83130,5	109194,4	238277,9
Доля оплаты труда, в %	7,9	9,4	11,5	15,1	32,8

Примечание: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>.

Таблица 2

Расчетные ставки прогрессивной шкалы НДФЛ

Границы шкалы, в месяц	Ставка налога (расчетная), в %	Ставка налога (округление), в %	Доля в общей численности населения, в %
До 35000 руб.	0	0	25,5
От 35000 руб. до 140000 руб.	9,8	10	62
От 140000 руб. до 400000 руб.	22,4	23	12
От 400000 руб.	35,3	36	0,5

Примечание: разработано и рассчитано автором.

Заключение

Таким образом, системный учет социальных и экономических аспектов при разработке основных параметров шкалы подоходного налогообложения, используя методы математического, регрессионного анализа, позволил предложить шкалу налога, определяющую базовые социальные гарантии для низкодоходных групп населения и рациональную налоговую нагрузку для средне- и высокодоходных групп. Обоснована величина необлагаемого минимума шкалы подоходного налога, которая позволяет решить две задачи: реализацию основных количественных минимальных социальных гарантий и обеспечение полного объема потребительских расходов низкодоходных групп населения, потенциально ориентированных на отечественные отрасли экономики. Предлагаемая прогрессивная шкала подоходного налога позволяет снизить налоговую нагрузку на низкодоходные группы населения; обеспечить неснижающийся уровень налоговых поступлений в государственный бюджет до и после введения прогрессивной шкалы; снижение ставки на среднедоходные группы населения может активизировать эти группы в качестве индивидуальных предпринимателей, организаторов предпринимательской деятельности.

На основании разработанной прогрессивной шкалы подоходного налогообложения предполагается расчет и оценка системного социально-экономического эффекта ее введения на национальном и региональном уровнях с учетом влияния на уровень бедности, изменения объемов поступлений подоходного налога, аккумуляции других налоговых доходов и др.

Список литературы

1. Ostry J.D., Berg A., Tsangarides C.G. Redistribution, inequality, and growth // IMF Staff Discussion Note. 2014. No. 14/02. P. 30.
 2. Gerber C., Klemm A.D., Liu L. Personal income tax progressivity: trends and implications // IMF Working papers. 2018. 20 Nov. P. 24. DOI: 10.2139/ssrn.3314577.

3. Sabirianova Peter K., Buttrick S., Duncan D. Global reform of personal income taxation, 1981–2005: evidence from 189 countries // National Tax Journal. 2010. No. 63 (3). P. 447–478. DOI: 10.2139/ssrn.1423344.

4. Гафарова Л.А. Ключевые детерминанты подоходного налогообложения: межстрановые сопоставления // Фундаментальные исследования. 2023. № 4. С. 6–12. DOI: 10.17513/fr.43443.

5. Jackson L., Otrok C., Owyang M.T. Could more progressive taxes increase income inequality? // Federal Reserve Bank of St. Louis Working paper. 2020. May. [Электронный ресурс] URL: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2020/may/could-more-progressive-taxes-increase-income-inequality> (дата обращения: 15.04.2023).

6. Benedek D., Benitez J.C., Vellutini C. Progress of the personal income tax in emerging and developing countries // IMF Working papers. 2022. January. P. 36. DOI: 10.5089/9798400201134.001.

7. Калинина О.В. Методологические инновационные аспекты перехода на прогрессивное подоходное налогообложение граждан // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 8 (440). С. 10–22.

8. Loayza N., Schmidt-Hebbel K., Servén L. What drives private saving across the world? // The Review of economics and statistics. 2000. Vol. 82, Is. 2. P. 165–181. DOI: 10.1162/003465300558678.

9. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 11. С. 2004–2027. DOI: 10.24891/ea.16.11.2004.

10. Попова Т.А. Влияние среднедушевых доходов на норму сбережений домохозяйств в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 110–113.

11. Гафарова Л.А. Анализ влияния прогрессивности подоходного налогообложения на динамику экономических процессов // Экономика и менеджмент систем управления. 2023. № 1 (47). С. 4–12. DOI: 10.18411/doicode-2023.099.

12. Гайнанов Д.А., Кантор О.Г., Каширина Е.С. Синергетическое моделирование параметров энергетической системы Российской Федерации // Экономика региона. 2015. № 4 (44). С. 357–369. DOI: 10.17059/2015-4-28.

13. Пансков В.Г. Современные проблемы теории и практики налогообложения. М.: Центркаталог, 2023. 264 с.

14. Алтуфьева Т.Ю., Алтуфьева Н.В., Атаева А.Г., Ахметов Т.Р., Байгильдина А.У., Васильева О.П., Гайнанов Д.А., Гагауллин Р.Ф., Зиннурова Г.Р., Иванов П.А., Кантор О.Г., Каримов А.Г., Кириллова С.А., Климова Н.И., Кузнецова Ю.А., Печаткин В.В., Сахапова Г.Р., Тютюнникова Т.И., Уляева А.Г., Чернуха Д.С., Шмакова М.В. Стратегический план экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2015. 284 с.

15. Гайнанов Д.А., Мигранова Л.И. Трансформация региональных рынков образовательных услуг и труда в условиях цифровой экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 8 (479). С. 1430–1448. DOI: 10.24891/re.18.8.1430.

УДК 336.055
DOI 10.17513/fr.43498

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ДВФО: КАК ВКЛЮЧИТЬ СРЕДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ СБЕРЕЖЕНИЙ В ИНВЕСТИЦИИ

Кривелевич М.Е.

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, e-mail: 733180@bk.ru

Задача планирования механизма регионального финансового рынка, который обеспечил бы социально-экономическое развитие Дальнего Востока, финансовыми ресурсами в отсутствие масштабных иностранных инвестиций, сводится, прежде всего, к вопросу о том, как мобилизовать средства населения, перенаправив их из банковских депозитов. Автором рассмотрен комплекс знаний о механизмах принятия финансовых решений индивидуальными инвесторами с учетом их ограниченной рациональности и склонности к ряду системных ошибок мышления, доступных современной экономической науке. В статье сформулированы основные вызовы, стоящие перед архитектурой регионального финансового рынка, происходящие из специфики принятия инвестиционных решений населением, особенностей инвестиционного рынка региона, валютных, процентных и иных финансовых и операционных рисков. В качестве ответа на заявленные вызовы предлагается создание соответствующего механизма проведения торгов и клиринга, выполнен подбор финансовых продуктов, предложены сопровождающие мероприятия и ключевые технологии регулирования рыночной динамики. Можно предположить, что созданный в соответствии с нашими выводами и рекомендациями комплекс финансовой инфраструктуры будет максимально психологически комфортен для населения Дальнего востока и станет эффективным механизмом трансформации сбережений в инвестиции.

Ключевые слова: Региональный финансовый рынок, финансовый центр, внутренние инвестиции, развитие Дальнего Востока

DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL MARKET AND INVESTMENT INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN FAR EAST: HOW TO INCORPORATE HOUSEHOLDS FUNDS IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF SAVINGS INTO INVESTMENTS

Krivelevich M.E.

Institute of Economic Research FEB RAS, Khabarovsk, e-mail: 733180@bk.ru

The mission of planning a regional financial market mechanism that would ensure the socio-economic development of the Far East with financial resources in the absence of large-scale foreign investment is primarily reduced to the question of how to mobilize household funds by redirecting them from bank deposits. We consider the complex of knowledge about the mechanisms of financial decision-making by individual investors, taking into account their limited rationality and propensity for a number of systematic errors of thinking, available to modern economic science. The article formulates the main challenges facing the architecture of the regional financial market, arising from the specifics of investment decision-making by the individuals, the characteristics of the region's investment market, foreign exchange, interest rate and other risks. As a response to the stated challenges, it is suggested to create an appropriate trading and clearing mechanism, to determine appropriate financial products, to suggest supporting measures and key technologies to regulate market dynamics. It can be assumed that the complex of financial infrastructure created in accordance with our conclusions and recommendations will be most psychologically comfortable for the population of the Far East and become an effective mechanism for transforming savings into investments.

Keywords: Regional financial market, financial center, domestic investments, development of the Russian Far East

Российский Дальний Восток, по мнению автора, нуждается в создании регионального финансового центра, который эффективно трансформировал бы сбережения дальневосточных экономических агентов, прежде всего населения, в инвестиции в ценные бумаги локальных эмитентов, обеспечивая опережающее социально-экономическое развитие региона всем комплексом услуг финансовой инфраструктуры в отсутствие системного взаимодействия с иностранными финансовыми организациями.

Принципиальная схема движения капитала на региональном уровне сегодня выглядит так: дальневосточники оставляют свои средства в депозитах банков из других регионов, имеющих филиалы, расположенные в данном регионе (более 1,5 трлн руб. по состоянию на 01.03.2023) и банков из других регионов, не имеющих филиалы в ДВФО (более 1,13 трлн руб.) [1] с относительно невысокой доходностью, одновременно реализуемые на Дальнем Востоке проекты берут кредиты в этих же федеральных бан-

ках по ставкам значительно превышающим ставки по депозитам.

Не так важно, какую именно часть от ранее упомянутых более чем 2,5 трлн рублей сбережений населения депозитах внешних по отношению к ДВФО банков, и тех 0,207 трлн руб., которые дальневосточники хранят на депозитах в местных банках, составляет операционный резерв, а какую средства, предполагающиеся для долгосрочного инвестирования. Главный вопрос состоит в том, как создать такую систему мотивации и рыночную инфраструктуру, при которой начнется масштабный переток средств населения с этих депозитов в ценные бумаги, эмитируемые проектами, создающими в регионе дополнительный ВРП и новые рабочие места.

В качестве базовой гипотезы предполагено, что региональный финансовый центр должен быть создан в формате биржевого рынка с соответствующей инфраструктурой (брокерские компании, управляющие компании биржевых фондов и паевых инвестиционных фондов и др.), ориентированной именно на население. Отличительной чертой индивидуальных частных инвесторов является их ограниченная рациональность, диктующая необходимость применения методов и инструментов поведенческой экономики.

Экономисты, такие как Адам Смит, Ирвинг Фишер и Джон Мейнард Кейнс, утверждали, что несовершенная рациональность влияет на инвестиционные решения и результаты рынка (цит. по David Hirshleifer, Siew Hong Teoh) [2], в последующие годы финансовая и экономическая теория сильно сдвинулась в сторону парадигмы совершенной рациональности и информационно эффективных рынков, но в 21 веке вернулись к концепции поведенческих финансов, во многом благодаря необходимости дать объяснение феноменам вроде «кризиса доткомов 1995-2001 гг.» и нобелевской премии Ричарда Талера 2017 года.

Наиболее полный из опубликованных в настоящее время обзоров по поведенческим финансам, содержащий анализ 148 публикаций, выявил следующие теории, представляющие собой научный консенсус: «теория ожиданий (prospect theory), представленная (Tversky и Kahneman 1974), «психоаналитическая теория (psychoanalytic theory)» (Fotaki et al., 2012), «теория валентности ожиданий (valence-arousal theory)» (Feldman, 1995), теория «когнитивной оценки (cognitive appraisal theory)» (Lerner and Keltner, 2000) и теория «эффектов предрасположенности (disposition effects)» (Grinblatt and Han, 2005) [3].

Общим аксиоматическим базисом для всех этих теорий является признание ограниченной рациональности экономических агентов, подверженность индивидуальных финансовых решений эффектам массовой психологии – эффекту толпы, а также предпочтение использования эвристик – упрощенных когнитивных механизмов – вместо рационального осмысления ситуации.

*Специфические проблемы
финансового рынка, создаваемого
на российском Дальнем Востоке,
и механизмы их решения*

Дальневосточный регион – экспортоориентированная часть страны, где за исключением Приморского края, в котором импорт составляет 67,7% внешнеторгового оборота, а экспорт -32,33% [4]. Поэтому целесообразно понять не станет ли наблюдаемая неустойчивость курса рубля препятствием для успешного функционирования регионального финансового рынка. Для ответа на этот вопрос можно воспользоваться исследованиями, проводившимися для экспортоориентированных развивающихся экономик.

Влияние изменений валютного курса на динамику фондового рынка для случая развивающихся экспортоориентированных экономик крайне ограничено, что доказывается как результатами счетных математико-экономических исследований, так и умозрительно.

В качестве примера первых можно предложить работу, использовавшую чисто математический метод «quantile-on-quantile approach» для анализа связи валютного курса и динамики фондового рынка Бразилии, Китая, Индии, Малайзии, Южной Африки, Мексики, Турции и Таиланда [5].

Для каждой из экономик, а в выборке присутствуют 4 из 5 финансовых рынков BRICS, то есть все кроме российского, влияние изменений валютного курса на динамику фондового рынка было крайне ограниченным, становясь значимым только при одном сценарии – сочетании «медвежьего рынка» и резкого падения национальной валюты.

В качестве исключения можно рассмотреть пример негативного влияния на котировки компаний экспортёров длительного увеличения реального обменного курса национальной валюты (real effective exchange rate) [6]. Данный эффект наблюдается преимущественно на азиатских рынках для промышленных компаний, конкурирующих в трудоемких отраслях. Действительно не сложно представить как ножницы, состоящие в росте реальных затрат на оплату тру-

да и снижении цен на готовую продукцию в результате научно-технического прогресса и жесткой глобальной конкуренции давят на балансы компаний экспортеров и их инвестиционную привлекательность.

Логическая цепочка рассуждений представляется следующей. Российский рынок, защищенный от роста курса национальной валюты эффектом Фишера (российская инфляция всегда выше инфляции в странах-эмитентах твердой валюты), не подвержен вышеописанным рискам, связанным со снижением конкурентоспособности в связи с ростом курса национальной валюты.

С другой стороны, негативная связь динамики валютного и фондового рынков в случае обвала национальной валюты и следующего за ним «бегства в качество» (*flight to quality*)» выпядит логичной и может представлять опасность вследствие действия эффектов поведенческой экономики – «избегания риска (*Loss Aversion*)» и «восприятия в контексте (*Framing*)». Следовательно, необходимо будет ограничить колебания стоимости финансовых инструментов в ответ на резкий рост волатильности валютного рынка.

Сильным воздействием на Дальневосточный финансовый рынок может обладать динамика финансового рынка Китая. Как показали достаточно масштабные исследования для финансовых рынков ASEAN5 (Индонезия, Филиппины, Сингапур, Таиланд) эффект перелива волатильности с китайского рынка акций не просто статистически значим, но и для определенного стечения обстоятельств может оказаться детерминирующим [7]. В литературе эта связь объясняется высокой интегрированностью экономик и значительными экспортно-импортными потоками между странами ASEAN5 и КНР [8].

Не отрицая важности влияния взаимной торговли, которая в связи с «поворотом на Восток» будет действовать и для финансового рынка российского Дальнего Востока, необходимо обратить внимание на гораздо менее изученные, ввиду невозможности их счетной оценки, но интуитивно-ожидаемые для профессионалов финансового рынка иные факторы, объясняющие перелив волатильности: скрытые инвестиционные потоки и «ребалансировка» инвестиционных портфелей.

Специфика российского законодательства, в частности запрет на владение иностранными инвесторами землями сельхоз назначения или крупными долями в компаниях-операторах морских портов в сочета-

нии с существенным дисбалансом в пользу Китая в реальном балансе взаимных инвестиций приводит к значительным масштабам «серого» инвестирования и «серого» владения активами, когда китайские деньги доминируют в инвестиционном балансе отдельной отрасли на территории отдельных районов и муниципалитетов ДВФО, но статистически не видны.

Представим теперь, что на Дальнем Востоке России появился достаточно активный региональный финансовый рынок. «Серые» китайские инвестиции в сельское хозяйство и переработку пищевого сырья, в добычу древесины и первичную деревообработку, в добычу и первичную переработку ВБР (водных биологических ресурсов) генерируют значительные объемы прибыли. Если и «белые», и «серые» китайские инвесторы частично перенаправят денежные потоки на этот рынок в целях диверсификации инвестиционного портфеля, то они займут на рынке доминирующее положение.

Учитывая, что за относительно небольшими предприятиями на российском Дальнем Востоке стоят гиганты из КНР, например, на сайте приморского сельхозпроизводителя ГК «ЛЕГЕНДАГРО» о бенефициаре бизнеса сообщается [9]: «Beidahuang Group – крупнейший в Китае сельскохозяйственный бизнес... Общий доход группы достиг 121,4 млрд юаней (\$ 18,33 млрд) в 2016 году», можно предположить, что даже небольшие колебания на биржах Шанхая и Шэньчжэня будут вызывать значительные движения на дальневосточном финансовом рынке.

Перелив ликвидности, когда в случае роста китайских бирж часть прибыли может уходить в Россию, а при падении цен финансовых активов в КНР, российские активы даже самого лучшего качества, будут сбрасываться «по любой цене» в связи с необходимостью срочно изыскать деньги на ликвидацию «margin call» (запросов об обеспечении достаточности капитала для поддержания позиций) может привести к разорению тех мелких игроков, прежде всего обычных российских граждан, которые окажутся неспособны к соблюдению правил финансовой дисциплины. Однако, так как региональный финансовый рынок не предназначен к использованию в качестве казино, а имеет своей целью обеспечить трансформацию сбережений в инвестиции, необходимо предусмотреть систему сглаживания чрезмерных ценовых колебаний и некоторой «отстройки» от динамики китайского финансового рынка.

Создание регионального финансового центра для Российского Дальнего Востока, ответ на общие и специфические вызовы

При создании регионального финансового центра можно оттолкнуться от некоторых из существующих мер государственной поддержки инвестиций, которые могут «бесшовно» интегрироваться в предлагаемый нами сценарий. Так, государство уже запустило механизм субсидирования выпуска корпоративных облигаций субъектов МСП [10], и по информации Министерства экономического развития РФ, «количество поддержанных выпусков выросло с 7 на 1,89 млрд в 2019 году до 45 выпусков объемом 10,5 млрд рублей в 2022 году» [11], то есть механизм можно считать реплицируемым.

Можно предложить создание в качестве центра регионального финансового рынка ключевого института, который возьмет на себя роль Биржи, то есть организатора торговли, что предполагает получение соответствующей лицензии. Биржа может взять на себя функции также клирингового центра и центрального контрагента. Такой вариант организации рынка устраняет из биржевых торгов «риск контрагента», но, что гораздо важнее, отвечает психологическим запросам индивидуального инвестора. Доверить свои деньги крупной государственной или квази-государственной организации для населения гораздо проще, чем коммерческой организации с очень непродолжительной историей, каковыми являются практически все резиденты Территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ). Собственно, именно этим и занимается население, размещая свои сбережения в федеральных банках.

Финансовый центр должен создать такую систему требований по раскрытию эмитентами информации, которая будет учитывать неспособность населения руководствоваться моделью дисконтированных денежных потоков при принятии инвестиционных решений. Для этих целей можно использовать скоринговые таблицы, подобные тем, которые применяются рейтинговыми агентствами, где в столбцах задан уровень финансового риска, а в строках – коммерческого риска эмитента. Отображение сочетания доходности и риска в простом графическом виде помогут индивидуальным инвесторам легче принимать решения, а следовательно, увеличат оборот торгов.

Развитый рынок облигаций в регионе способствует более активному вовлечению компаний в использование эффекта финан-

сового рычага, что приводит к росту чистой прибыли и рентабельности собственного капитала, но «предубеждение» частных инвесторов, в пользу акций требует соответствующего отражения в создаваемой инфраструктуре. Одним из рациональных вариантов может стать предложение «коробочных» финансовых продуктов, сочетающих акции «роста» и корпоративные облигации. Такие финансовые продукты могут принимать вид паевых инвестиционных фондов, структурных нот, либо стратегий доверительного управления. У начинающего инвестора предубеждение (confirmation bias) образуется очень быстро, зачастую при первом же приобретении акций, которые в силу любых обстоятельств показали значительный рост, поэтому облигации не выдержат конкуренции с акциями в отсутствие системной работы по их предложению населению. Можно предложить инициировать расширение мандата региональных гарантий организаций, таких как Гарантийный фонд Приморского края, на предоставление гарантий по облигационным займам локальных эмитентов.

Согласно информации Гарантийного фонда Приморского края, свыше 32,9 млрд руб. кредитных средств получили предприниматели Приморья при поручительстве этой организации [12], что существенно превышает самые смелые планы по размещению облигаций локальных эмитентов. Предоставление на возмездной основе подобных гарантий по облигациям (до 70% от суммы долга) позволит начать просветительскую кампанию в ключе «облигации – это так же хорошо, как банковский вклад, но выгоднее».

При планировании инфраструктуры регионального финансового рынка необходимо учесть риск массовых психозов типа «pump-and-dump» как появляющихся в ответ на некие неожиданные новости, так и создаваемые отдельными участниками рынка в целях манипулирования ценами. Чем рынок меньше, тем меньшим объемом средств можно инициировать масштабное изменение цен, запускающее само-усиливающийся процесс эйфории или паники. Включение в регламент проведения торгов механизмов ценового коридора, при котором торги останавливаются при резком снижении или росте цены, уменьшит мотивацию крупных игроков к манипулированию ценами, потому что поддерживать эйфорию или панику в течение длительного периода времени значительно сложнее и дороже. Еще раз отметим, что рынок, на котором абсолютно доминируют облигации, не интересен индивидуальным инвесторам,

но облигации гораздо менее манипулируемый финансовый инструмент в сравнении с акциями, поэтому поддержание разумного баланса долевого и долгового ценных бумаг может способствовать устойчивости регионального финансового рынка.

Также необходимо обеспечить устойчивость рынка к колебаниям курса национальной валюты. Учитывая структуру экспортно-импортных связей региона, целесообразно размещать кроме рублевых облигаций, облигации, номинированные в юанях или гонконгских долларах, а также предложить рынку инструменты хеджирования валютного риска, такие как форвардные и фьючерсные контракты, которые могут быть востребованы не только спекулянтами, но и крупными региональными экспортерами и импортерами.

Все вышеперечисленное позволит создать по-настоящему эффективный региональный финансовый центр, который станет основой будущего опережающего экономического развития российского Дальнего Востока.

Заключение

На основании вышеизложенного можно констатировать, что проблема перемещения части сбережений населения Дальнего Востока из депозитов внешних по отношению к региону банков в пределы регионального финансового рынка для использования их в качестве ресурса инвестиционных ресурсов для обеспечения экономического роста региона лежит преимущественно в области поведенческой экономики. Предложенный нами механизм организации рынка, выбор инструментов, условий и регламентов торговли ориентирован на те аспекты психологии индивидуального инвестора, которые представляются доминирующими. Также мы предполагаем, что учет специфических особенностей регионального финансового рынка будет способствовать успешному построению соответствующей финансовой инфраструктуры. Несмотря на то, что мы попытались ответить на все очевидные вызовы, ответ о действительной жизнеспособности концепции регионального финансового центра для российского Дальнего Востока может дать только натурный эксперимент по его созданию, который неминуемо должен рано или поздно начаться, так как без него ускоренное социально-экономическое развитие региона представляется маловероятным.

Список литературы

1. Средства клиентов, не являющихся кредитными организациями, размещенные в кредитных организациях в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах, млн руб. // Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Borrowings/02_19_Funds_clients_branches_20230301.xlsx (дата обращения: 02.09.2023).
2. Hirshleifer D., Hong T.S. Limited attention, information disclosure, and financial reporting // *Journal of Accounting and Economics*. 2003. Vol. 36, Is. 1–3. P. 337–386. DOI: 10.1016/j.jacceco.2003.10.002.
3. Goodell J.W., Kumar S., Rao P., Verma S. Emotions and stock market anomalies: A systematic review // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2023. Vol. 37. P. 100722. DOI: 10.1016/j.jbef.2022.100722.
4. Внешняя торговля Приморского края // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. URL: <https://25.rosstat.gov.ru/folder/27123> (дата обращения: 23.04.2023).
5. Gokmenoglu K., Eren B.M., Hesami S. Exchange rates and stock markets in emerging economies: new evidence using the Quantile-on-Quantile approach // *Quantitative Finance and Economics* 2021. 2023. Vol. 5, Is. 1. P. 94–110. DOI: 10.3934/QFE.2021005.
6. Chiah M., Long H., Zaremba A., Umar Z. Trade competitiveness and the aggregate returns in global stock markets // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2023. Vol. 148. P. 104618. DOI: 10.1016/j.jedc.2023.104618.
7. Rahman M.U., Ullah I., Zeb A. Analysis of ASEAN's Stock Returns and/or Volatility Distribution under the Impact of the Chinese EPU: Evidence Based on Conditional Kernel Density Approach // *East Asian Economic Review*. 2023. Vol. 27. №1. P. 33–60. DOI: 10.11644/EAER.2023.27.1.417.
8. Forbes K.J., Chinn M.D. A decomposition of global linkages in financial markets over time // *Review of Economics and Statistics*. 2004. Vol. 86. № 3, P. 705–722. DOI: 10.1162/0034653041811743.
9. Акционеры компании «ЛЕГЕНДАГРО» // Агропромышленная группа компаний «ЛЕГЕНДАГРО» [Электронный ресурс]. URL: <https://legendagro.ru/company/akcionery-kompanii/> (дата обращения: 24.08.2023).
10. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. (ред. от 31.12.2021) №532 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям – субъектам малого и среднего предпринимательства в целях компенсации части затрат по выпуску акций и облигаций и выплате купонного дохода по облигациям, размещенным на фондовой бирже» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324055/ (дата обращения: 02.09.2023).
11. Минэкономразвития компенсировало свыше 420 млн рублей МСП, размещающим свои ценные бумаги на бирже // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_kompensirovalo_svyshe_420 mln_rublej_msp_razmeshchayushchim_svoi_cennye_bumagi_na_birzhe.html?ysclid=lg8045q2o990943727 (дата обращения: 26.08.2023).
12. Гарантийный фонд Приморского края // Информационный портал Гарантийного фонда Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garantprim.ru/?ysclid=lgxjtyvppqg874585739> (дата обращения: 26.08.2023).

УДК 336.113.23
DOI 10.17513/ir.43499

МЕРЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ В ФОРМИРОВАНИИ ГИБРИДНОЙ МОДЕЛИ КООРДИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Огородникова Е.С., Плахин А.Е.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург,
e-mail: cmb_8@mail.ru

Актуальность научной проблемы определения методов гибридной координации социальной сферы заключается в необходимости поиска и обоснования использования методов управления, позволяющих результативно координировать процесс перераспределения ресурсов наиболее производительным поставщикам социальных услуг. Цель исследования заключается в оценке результативности одного из механизмов гибридной координации социальной сферы – финансовой поддержки негосударственных производителей социальной сферы. В качестве метода исследования используется алгоритм тестирования результативности мер финансовой поддержки, основанный на определении характера корреляционной связи между показателями, характеризующими интенсивность оказания мер финансовой поддержки, и показателями выпуска и суммы активов негосударственных производителей социальной сферы. Информационная база исследования содержит статистическую базу, включающую данные об интенсивности оказания финансовой поддержки и соответствующем изменении параметров выручки и активов негосударственных производителей социальной сферы. В результате исследования сделан вывод о том, что меры финансовой поддержки оказывают однозначно положительное влияние на показатели выпуска и увеличения активов негосударственных производителей социальной сферы. Наиболее существенная связанность между исследуемыми группами показателей присутствует для организаций отрасли здравоохранения и социальных услуг. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации методического инструментария, позволяющего оценить связанность мер финансовой поддержки и изменения экономических показателей негосударственных производителей социальной сферы. Практическая значимость статьи заключается в использовании результатов исследования для масштабирования модели гибридной координации социальной сферы.

Ключевые слова: социальная сфера, гибридная координация, финансовая поддержка, кредитование, выручка, инвестиционная поддержка

MEASURES OF FINANCIAL SUPPORT IN THE FORMATION OF A HYBRID MODEL OF COORDINATION OF THE SOCIAL SPHERE

Ogorodnikova E.S., Plakhin A.E.

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: cmb_8@mail.ru

The relevance of the scientific problem of determining the methods of hybrid coordination of the social sphere lies in the need to search for and justify the use of management methods that effectively coordinate the process of redistribution of resources to the most productive providers of social services. The purpose of the study is to assess the effectiveness of one of the mechanisms of hybrid coordination of the social sphere – financial support of non-state producers of the social sphere. As a research method, an algorithm for testing the effectiveness of financial support measures is used, based on determining the nature of the correlation between indicators characterizing the intensity of financial support measures and indicators of the output and amount of assets of non-state producers of the social sphere. The information base of the study contains a statistical base, including data on the intensity of financial support and the corresponding change in the parameters of revenue and assets of non-state producers of the social sphere. As a result of the study, it was concluded that financial support measures have a uniquely positive impact on the indicators of output and increase in assets of non-state producers of the social sphere. The scientific novelty of the research lies in the development and testing of methodological tools that allow assessing the connectivity of financial support measures and changes in economic indicators of non-state producers of the social sphere. The practical significance of the article lies in the use of the research results to scale the model of hybrid coordination of the social sphere.

Keywords: social sphere, hybrid coordination, financial support, lending, revenue, investment support

Модель координации социальной сферы должна поддерживать рост возможности оказания социальных услуг производителями. Решение данной задачи требует формирования механизмов, позволяющих привлекать в социальную сферу достаточный объем финансовых ресурсов, обеспечивающих возможности увеличения выпуска. Модели координации социальной сферы, основанные как на принципах иерархии,

так и на принципах рынка, ограничены к масштабированию. Иерархическая координация ограничена ресурсными возможностями распределительной системы, аккумулируемыми в рамках социальных фондов и государственного бюджета, рыночная координация охватывает потребителей, чьи доходы позволяют приобретать блага социальной сферы на принципах рыночного ценообразования, что противоречит прин-

ципам равенства доступа к социальным благам всех граждан России. Преодоление указанных ограничений возможно путем осуществления гибридной координации социальной сферы.

Модель гибридной, или «смешанной», координации представляет собой комплекс управленческих воздействий, позволяющий адаптивно перераспределять финансовые ресурсы, аккумулируемые в государственном, корпоративном и общественном секторах экономики с целью увеличения возможности выпуска организаций социальной сферы. Гибридная координация социальной сферы предполагает реализацию комплекса управленческих воздействий, адаптивно сочетающих между собой иерархические и рыночные методы управления, что приводит в результате к максимизации выпуска.

Цель исследования заключается в оценке результативности одного из механизмов гибридной координации социальной сферы – финансовой поддержки за счет средств бюджета негосударственных производителей социальной сферы.

Материалы и методы исследования

Специфика социальной сферы, заключающаяся в необходимости обеспечения равного доступа к социальным благам всех граждан РФ, обуславливает особенности гибридной координации. В частности, целью гибридной координации становится рост выпуска. Данная специфика отмечена и в статье Г.А. Кононовой, В.В. Циганова, Л.В. Коваленко [1, с. 129]: «Разница в приоритетах отдельных видов эффекта, полученного в результате оптимизации распределения ресурсов в разных социально-экономических системах, приводит к противоречиям в целеполагании управления взаимосвязанными системами и, следовательно, к необходимости поиска методов устранения (снижения) таких противоречий». Гибридная модель координации является инструментом «снижения противоречий» между традиционной парадигмой осуществления выпуска частных благ и социальными задачами, решение которых осуществляется в рамках национальной экономической системы.

Анализ теоретических концепций, затрагивающих механизмы гибридной координации, позволил выявить следующие логические конструкции, объясняющие причинно-следственные связи между распределением финансовых ресурсов и достижением целей развития социальной сферы. Первый, представленный в работах В.В. Заболоцкой, Г.И. Фощан, Т.С. Шакиро-

вой [2, с. 48] и С.Н. Меликсетян [3, с. 46], включает показатели, характеризующие достижение социальных целей в качестве результирующих при распределении финансовых ресурсов. В частности, в статье С.Н. Меликсетян отмечено, что «...финансовая политика России в социальной сфере в современных условиях – это механизм перераспределения доходов с опорой на принципы социального государства, целью которого должно быть обеспечение экономического роста, полной занятости и увеличение национального богатства. В настоящее время государством реализуются социальные программы по развитию здравоохранения, образования, культуры, решению жилищных проблем, поддержке незащищенных слоев населения». Если придерживаться только представлений о том, что перераспределительный процесс как таковой принесет социальные результаты, упускаются и сам процесс преобразования финансовых ресурсов в социальные результаты, и методы управления данным процессом.

Второй логический конструкт объясняет улучшение социальных показателей в результате оказания мер финансовой поддержки предпринимателям, осуществляющим деятельность в социальной сфере. Общие рамки данного подхода описаны в работе Р.В. Фаттахова и др. [4, с. 104], где описаны реакции предпринимательских структур при изменении институциональных и инфраструктурных условий функционирования. Аналогичные причинно-следственные модели представлены в статьях И.С. Большухиной [5, с. 17], P.D. Reynolds [6, с. 20], J. Lerner [7, с. 18]. Методология перераспределения финансовых ресурсов, включающая в качестве отдельного этапа оказание финансовой поддержки негосударственным участникам социальной сферы с целью активизации инструментов ценовой, рыночной координации, формирования конкурентной среды, стала основным трендом развития социальной сферы в середине предыдущего десятилетия. Основой стимулирования активности негосударственных производителей социальной сферы является возможность получения ими прибыли, что является основой рыночной координации. Также финансовая поддержка формирует саму возможность осуществления деятельности негосударственных производителей социальной сферы, формируя капитал предприятий [8, с. 50]. Косвенно финансовая поддержка является частью комплекса институционально-инфраструктурных условий функционирования организаций социальной сферы. Негосудар-

ственные организации, осуществляющие деятельность в социальной сфере, как правило, высоко зависимы от стоимостных параметров и качества работы институтов конкретной территории. Если институты эффективны, то порождаемые ими дополнительные издержки ниже потенциальной выгоды предпринимателей, что дает положительное воздействие на соотношение выпуска и привлекаемых ресурсов. Обратная ситуация приводит к снижению эффективности и, как следствие, к снижению выпуска организаций социальной сферы.

Данный вывод позволяет говорить о возможности формирования централизованного механизма стимулирования негосударственных производителей социальной сферы путем модификации институционально-инфраструктурных условий деятельности предпринимателей в частности и механизмов финансовой поддержки [9, с. 73; 10, с. 163]. Поскольку концепция формирования гибридной модели координации социальной сферы включает ряд мероприятий, направленных на перераспределение финансовых ресурсов, необходим инструментарий, позволяющий оценить результативность механизмов перераспределения, выявление тех инструментов, которые позволяют обеспечить максимальный выпуск с наименьшими затратами ресурсов. Для решения этой задачи предложен

алгоритм тестирования результативности мер финансовой поддержки, основанный на определении характера корреляционной связи между показателями, характеризующими интенсивность оказания мер финансовой поддержки, и показателями выпуска и суммы активов негосударственных производителей социальной сферы, получавших данные меры поддержки. Данный метод позволяет определить статистическую взаимосвязь нескольких случайных величин, математической мерой корреляции является коэффициент корреляции [11, с. 154]. Общий алгоритм тестирования результативности мер финансовой поддержки представлен на рис. 1.

Анализ результативности мер финансовой поддержки осуществляется в соответствии с общей логикой проверки гипотез, представленных на рис. 2 [12, с. 76].

Сформированная за указанный период информационная база, включающая данные об интенсивности оказания финансовой поддержки и соответствующем изменении параметров выручки и активов негосударственных производителей социальной сферы, позволяет провести исследование результативности мер финансовой поддержки в плане роста показателей выпуска организаций, работающих в отраслях здравоохранения и социальной помощи, образования и культуры.

Рис. 1. Алгоритм тестирования результативности мер финансовой поддержки

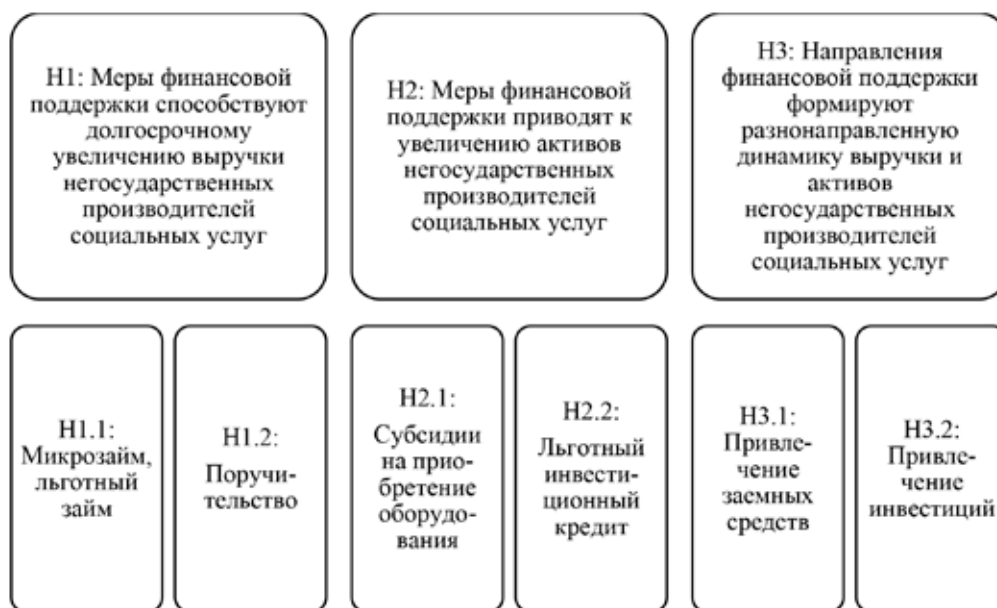

Рис. 2. Гипотезы исследования результативности мер финансовой поддержки негосударственных производителей социальной сферы

Как видно на рисунке, исследование результативности мер финансовой поддержки осуществляется в соответствии с тремя гипотезами исследования. Гипотеза H1: описывает предположение о существенной связанности выпуска негосударственных производителей социальной сферы с получением краткосрочных кредитных ресурсов (микрозаймов и краткосрочных льготных кредитов) и возможностью расширения оборотных средств путем получения кредитных ресурсов под поручительство фонда поддержки предпринимательства. Гипотеза H2: описывает предположение о существенной связанности между инвестиционным финансированием и увеличением сумм активов негосударственных производителей социальной сферы. Гипотеза H3: содержит предположение о формировании разнонаправленной динамики выручки и сумм активов при привлечении краткосрочного и инвестиционного финансирования. Данная гипотеза направлена на проверку предположения, что указанные меры поддержки инициируют процессы, приводящие либо к увеличению выпуска ввиду компенсации недостаточного объема дополнительных оборотных средств, при этом активы организаций остаются неизменными или сокращаются, либо к увеличению сумм активов ввиду привлечения долгосрочного инвестиционного финансирования. Подтверждение данной гипотезы будет косвенно свидетельствовать о низкой рентабельности работы организация в социальной сфере.

Результаты исследования и их обсуждение

Общий объем финансирования малого и среднего бизнеса в Российской Федерации по данным банка России превышает 1,2 трлн руб. [13], причем отрасли социальной сферы не входят в перечень отраслей, составляющих наибольший удельный вес в структуре финансирования. На рис. 3 представим данные по коэффициентам корреляции между показателями выпуска и суммами краткосрочного кредитования негосударственных производителей социальной сферы.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы относительно гипотезы H1: Меры финансовой поддержки, направленные на краткосрочное финансирование, действительно способствуют увеличению показателя выручки негосударственных производителей социальной сферы, что позволяет сделать вывод о высокой потребности данных организаций в оборотных средствах. Полученные кредитные ресурсы направляются на пополнение запасов, оплату труда персонала, что позволяет расширить объем оказания услуг. С точки зрения результативности наибольшее значение по данному показателю демонстрирует «Мероприятие по краткосрочному льготному кредитованию», также необходимо отметить, что данная мера является наиболее массовой во всем инструментарии финансовой поддержки.

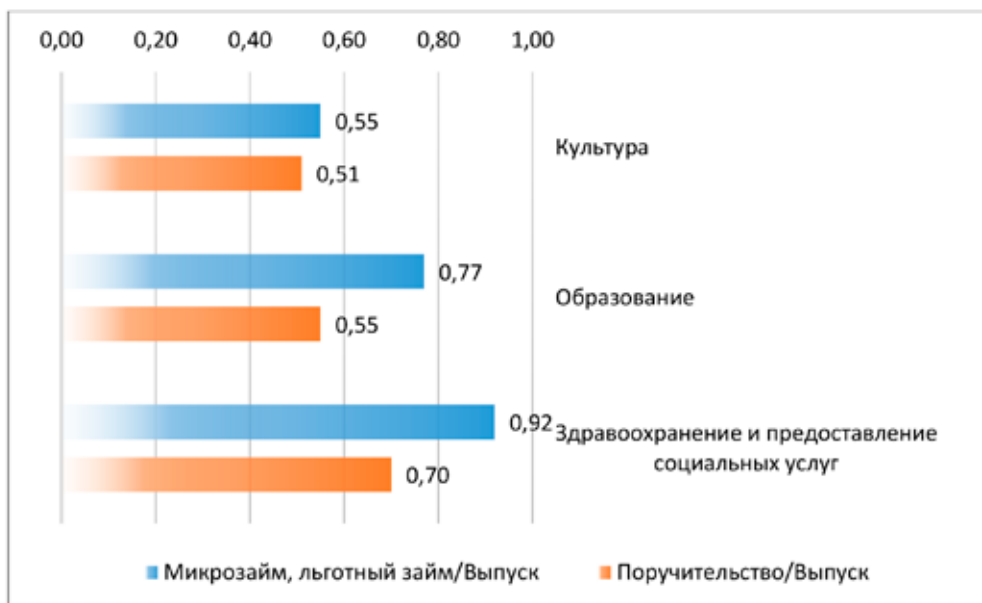

Рис. 3. Коэффициенты корреляции показателей выпуска и сумм краткосрочного кредитования негосударственных производителей социальной сферы

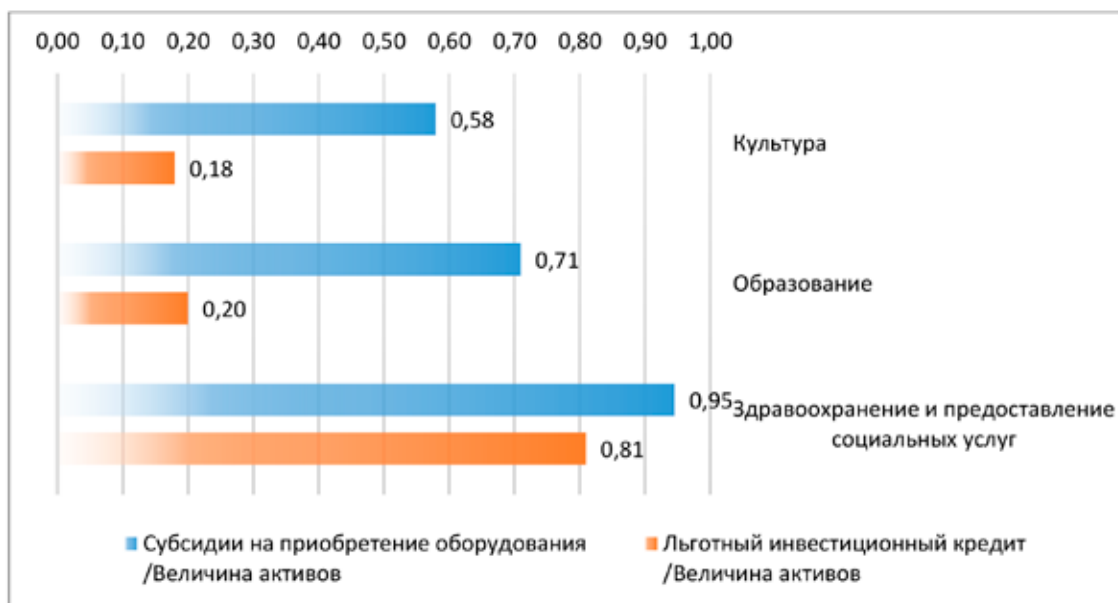

Рис. 4. Коэффициенты корреляции показателей суммы активов и сумм инвестиционного финансирования негосударственных производителей социальной сферы

Можно отметить, что тенденция роста оборота наблюдается по всем отраслям, однако наибольшую связанность кредитования и увеличения выпуска показывают отрасли здравоохранения и предоставления социальных услуг.

Далее рассмотрим коэффициенты корреляции, характеризующие связанность между суммой активов негосударственных произ-

водителей социальной сферы и инвестиционным финансированием (рис. 4).

Гипотеза H2 также подтвердилась. Мероприятия инвестиционного финансирования действительно приводят к росту активов негосударственных производителей социальной сферы, однако связанность данных показателей неоднозначна в разрезе отраслей социальной сферы и видов мер поддержки.

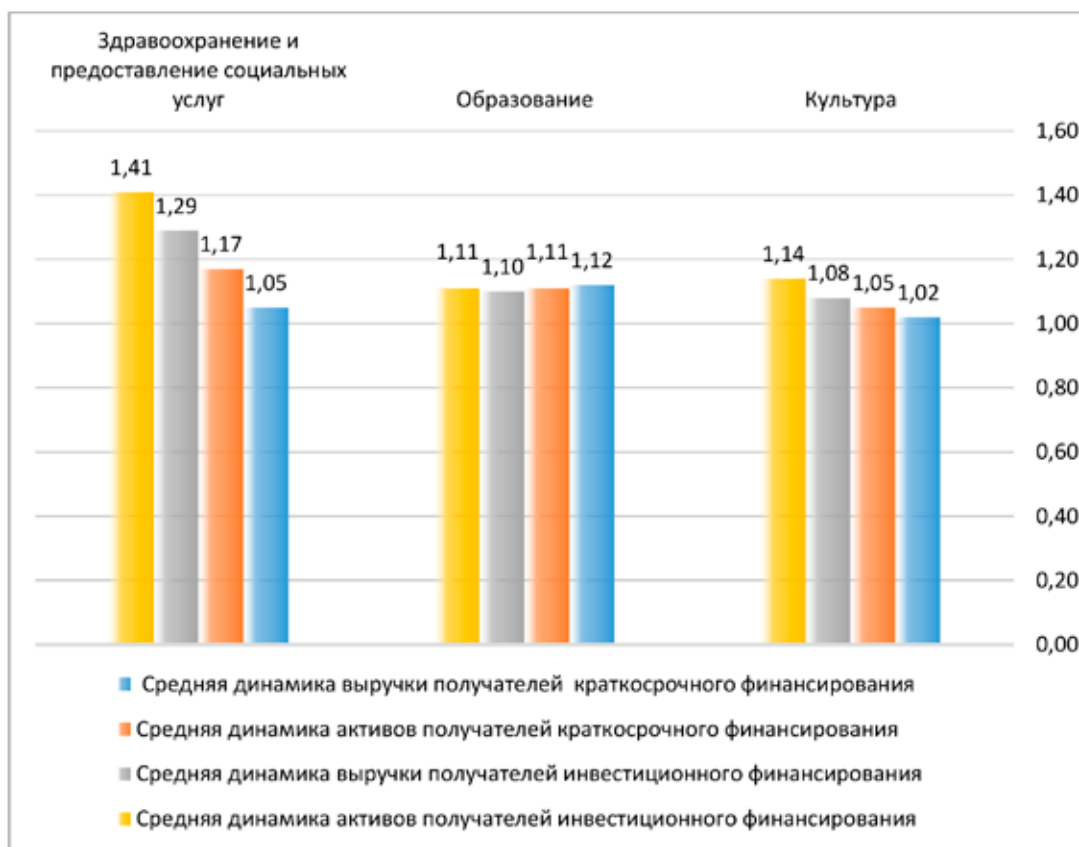

Рис. 5. Средняя динамика показателей выручки и активов получателей финансовой поддержки, относящихся к негосударственным производителям социальной сферы

Однозначную положительную связанность демонстрирует мероприятие «Субсидии на приобретение оборудования», вместе с тем льготный инвестиционный кредит активно используется в отрасли здравоохранения и оказания социальных услуг. Данное обстоятельство связано с условиями предоставления поддержки обязующими получателей приобретать активы и использовать их в качестве обеспечения. Данный факт позволяет говорить о действенности мер поддержки негосударственных производителей социальной сферы. Далее представим результаты оценки связанности мер финансовой поддержки и однонаправленной динамики показателей выпуска и активов негосударственных производителей социальной сферы (рис. 5).

Гипотеза НЗ не подтвердилась: как меры краткосрочного финансирования, так и меры, направленные на инвестиционное финансирование, приводят к однонаправленному изменению выручки и сумм активов негосударственных производителей социальной сферы. Такая ситуация обусловлена адаптивным распределением

получаемых ресурсов в ходе хозяйственной деятельности субъекта. Между тем необходимо отметить, что реакция на меры финансовой поддержки имеет отраслевую специфику, в частности наибольший прирост показателей демонстрируют организации здравоохранения и социального обслуживания.

Заключение

Необходимо отметить, что использование мер финансовой поддержки для гибридной координации социальной сферы позволяет расширить объемы оказания социально значимых услуг для населения. Соответственно, необходимо решение задачи расширения доступа негосударственных производителей социальной сферы к финансовым ресурсам. Одним из приоритетных направлений является предоставление гарантийной поддержки и поручительства по кредитам, развитие данного механизма позволит распределить риск невозврата кредитных средств между всеми участниками финансово-кредитных отношений.

Список литературы

1. Кононова Г.А., Циганов В.В., Коваленко Л.В. Методы обеспечения аллокативной эффективности в процессе регулирования социально-экономического развития региона // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 1. С. 129–134.
2. Заболоцкая В.В., Фощан Г.И., Шакирова Т.С. Оценка эффективности региональной финансовой поддержки и прогнозирование занятости в секторе малого и среднего бизнеса Краснодарского края // Экономика: теория и практика. 2021. № 2. С. 48–60.
3. Меликсетян С.Н. Финансовый аспект реализации концепции социального государства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 20 (302). С. 46–60.
4. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Оценка развития социальной инфраструктуры регионов России и ее влияние на демографические процессы // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 2. С. 104–119.
5. Большухина И.С. Финансовый механизм государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России: проблемы и перспективы развития // Финансы и кредит. 2014. № 40 (616). С. 17–26.
6. Reynolds P.D. Understanding Business Creation: Serendipity and Scope in Two Decades of Business Creation Studies. Orebro: FSF, 2004. 89 p.
7. Lerner J. Boulevard of Broken Dreams: Why Public Efforts to Boost Entrepreneurship and Venture Capital have Failed – and What to do About it. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. 217 p.
8. Ищенко М.М. О методах адаптивного администрирования в региональных экономических системах // Научные труды Вольного экономического общества России. 2011. Т. 145. С. 50–62.
9. Парфенова С.Л., Грибовский А.В. Подход к оценке эффективности государственной поддержки малых инновационных предприятий в России // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 4 (22). С. 73–96.
10. Юдин Н.С. Дифференцированный инструментарий государственной поддержки малого предпринимательства на основе его качественной идентификации // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 7. С. 161–167.
11. Ogorodnikova E.S. Factors for the formation of effects of the infrastructure development // Экономический рост республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XII Международной научно-практической конференции. Минск, 2019. С. 154–155.
12. Огородникова Е.С. Оценка результативности мероприятий финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Свердловской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 2, № 9. С. 76–80.
13. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства // Банк России. Статистический бюллетень. 2023. № 5 (36). URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/45147/stat_bulletin_lending_23-05_36.pdf (дата обращения: 12.08.2023).

УДК 336:330.59
DOI 10.17513/fr.43500

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ И ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Пивоварова О.В., Дудник А.И.

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва,
e-mail: OVPivovarova@fa.ru, AIDudnik@fa.ru

В статье рассматриваются вопросы определения дефиниции «уровень жизни населения» и его оценки. Повышение уровня жизни граждан России является ключевой задачей органов публичного управления. Вместе с тем ее решение невозможно без четкого определения того, что именно следует понимать под уровнем жизни, каково его текущее значение и как оно будет изменяться при реализации различных мер государственной политики. В ходе анализа было выявлено отсутствие единого подхода в данной области. Опираясь на такие составляющие, как «благополучие», «жизненные потребности», «финансовые возможности» и т.д., авторы формулируют различные точки зрения на природу указанного понятия. Несмотря на имеющиеся различия, в целом имеется общий круг вопросов, формирующих область исследования и сущность понятия «уровень жизни». Всё это отражается на разработке подходов к оценке данного показателя. В статье приводится обзор зарубежного опыта, базирующегося на использовании оценки доходов, уровня бедности, размера оплаты труда. Также рассмотрены несколько методов комплексной оценки, включающей ряд разнородных показателей. На основе полученных результатов представляется целесообразным разработку и использование именно комплексного подхода к проведению оценки параметров уровня жизни населения, которая бы позволяла исследовать количественную взаимосвязь с другими значимыми параметрами развития региональной системы.

Ключевые слова: уровень жизни, подходы к определению, показатели, методы оценки, доходы населения

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ANALYSIS OF APPROACHES TO THE CONCEPT AND ASSESSMENT OF LIVING STANDARDS

Pivovarova O.V., Dudnik A.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: OVPivovarova@fa.ru, AIDudnik@fa.ru

The article deals with the issues of defining the concept of «standard of living of the population» and its assessment. Improving the standard of living of Russian citizens is a key task of state and municipal administration. At the same time, its solution is impossible without a clear understanding of what exactly should be understood by the standard of living, what its current value is and how it will change with the implementation of various public policy measures. In the course of the analysis it was revealed that to date there is no single approach in this area. Relying on such components as «well-being», «life needs», «financial opportunities», etc., the authors formulate different points of view on the nature of this concept. Despite the differences, in general there is a common range of issues that form the field of research and the essence of the concept of «standard of living». All this is reflected in the development of approaches to the assessment of this indicator. The article provides an overview of foreign experience based on the use of income assessment, poverty rate, minimum wage. Several methods of complex assessment, including a number of heterogeneous indicators, are also considered. Based on the results obtained, it seems appropriate to develop and use exactly a comprehensive approach to the assessment of living standards, which would allow us to study the quantitative relationship with other significant parameters of the regional system development.

Keywords: standard of living, approaches to definition, indicators, methods of assessment, population income

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University.

Развитие социально-экономических систем характеризуется множеством разнородных показателей и определяется различными целевыми установками. Вместе с тем в соответствии с правовыми нормами Российская Федерация является социальным государством и важнейшим приоритетом ее развития выступает повышение уровня жизни населения. Однако реализация данной задачи не представляется возможной без понимания того, как именно следует трактовать понятие «уровень жизни» и ка-

ким образом его следует оценивать. Применение различных подходов приводит к противоречивости оценок и в конечном итоге к невозможности определения степени достижения поставленных целей.

Одной из проблем, обуславливающих противоречивость оценок уровня жизни в разных странах и регионах, отражаемых в исследованиях тех или иных авторов, является необходимость выбора и обоснования использования определения данного показателя. Как и многие другие экономи-

ческие термины, понятие «уровень жизни» имеет достаточно много трактовок, отличающихся по тем или иным признакам. В совокупности это обосновывает актуальность и предмет проведенного исследования.

Цель исследования заключается в анализе существующих подходов к определению и оценке уровня жизни населения.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой исследования послужили работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные изучению и оценке уровня жизни населения. В работе применяются методы компаративного анализа, обобщения, классификации.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Подходы к понятию «уровень жизни»

Проведенный анализ показал, что в литературных источниках встречается множество определений понятия «уровень жизни», которые дополняют друг друга и рассматривают различные аспекты данной категории. Исследователями отмечается, что уровень жизни выступает как социально-экономический показатель, который отражает удовлетворенность разумных потребностей и материально-финансовых возможностей людей, социальных групп (включая семью, домохозяйства, социально-профессиональные или территориальные группы), страны в целом [1]. Как видно, приоритет в рамках данного подхода отдается качественной характеристике «удовлетворенность». Одновременно с этим современный экономический словарь указывает, что это «уровень благосостояния населения, потребления благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей людей» [2]. Одной из особенностей, влияющих на набор характеристик, через которые раскрывается понятие уровня жизни, является исследуемый уровень иерархии – то есть применение методов оценивания и соответствующего понятийного аппарата ко всему населению, к тем или иным социальным группам, а также к домохозяйствам или отдельным людям с различающимся уровнем дохода. Так, с точки зрения реализации функции оценивания уровень жизни следует воспринимать одновременно как меру фактического потребления благ, оценку текущих условий жизни населения, его доходов и расходов и в качестве меры ожидаемого уровня комфорта (в первую очередь материального), полностью удовлетворяющего потребности индивидуума или группы людей [1].

Другие авторы исходят из того, что уровень жизни в первую очередь определяется сферой потребления и теми возможностями, которые получает потребитель в определенных условиях. В частности, в работе И.Ю. Древицкой указывается, что уровень жизни должен рассматриваться как совокупность условий функционирования личности в сфере потребления, отражающаяся в масштабе потребностей населения и способа их реализации [3]. В данном аспекте основой изменения уровня жизни в конечном итоге выступают потребности человека в сфере потребления. Схожая точка зрения прослеживается в работе М.А. Курдовой и С.А. Подгорной, в рамках которой под уровнем жизни авторы подразумевают обеспеченность людей материальными благами (товарами и услугами), достигнутый объем их потребления и уровень реализации рациональных потребностей [4]. Некоторые исследователи фактически отождествляют такие дефиниции, как «уровень жизни» и «стоимость жизни». Например, можно обратиться к работе «Стоимость жизни и ее измерение» [5]. В других источниках указывается на тождество понятий «уровень жизни», «уровень благосостояния», «уровень потребления», отмечая, что это степень удовлетворения различных потребностей людей (как материальных, так и духовных) товарами и услугами, которые используются в единицу времени. Рассмотрение духовных потребностей расширяет область применения данного понятия, однако в то же время делает задачу оценки более затруднительной.

В исследованиях Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ИНП РАН отмечается, что уровень жизни населения включает три основных составляющих – «благосостояние населения, накопление человеческого капитала и уровень человеческого развития» [6]. То есть данный подход выходит за рамки исключительно функции удовлетворения потребностей. Сходная позиция имеется в работах Н.А. Горелова, который рассматривает категорию «уровень жизни» одновременно с нескольких позиций: в более узкой интерпретации она выступает в качестве характеристики объемов потребления населения и удовлетворенности его потребностей [7], и в то же время в широком смысле – как показатель уровня общественного развития. Однако в широком смысле данная трактовка близка к понятию качества жизни.

Вместе с тем уровень жизни необходимо отличать от ряда смежных понятий и в первую очередь от «качества жизни». Следует отметить, что понятие «качество жизни»

в литературе рассматривается в более широком смысле, чем «уровень жизни», поскольку включает не только материальную обеспеченность, но и ряд других составляющих, а также субъективные факторы, включая оценку состояния здоровья человека, условия окружающей среды, комфорт проживания [8], удовлетворение культурных потребностей, социальное окружение и т.д.

Анализ приведенных определений показывает, что, несмотря на имеющиеся различия в уровне исследования и рассмотрении отдельных составляющих, в целом имеется общий круг вопросов, формирующих область исследования и сущность понятия «уровень жизни». Однако проблема усугубляется при рассмотрении методов его оценки.

2. Зарубежные подходы к оценке уровня жизни

Организацией Объединенных Наций (Статистическая комиссия) был выделен раздел, который охватывает комплекс статистических показателей, которые необходимы для оценки уровня жизни, но при этом не выступающие в качестве непосредственных характеристик данного показателя. В него включены такие показатели, как национальный доход, валовой внутренний продукт в расчете на одного человека и среднегодовой темп его роста; виды и объемы социального обслуживания; величина, структура и темп роста потребительских расходов населения; комплекс транспортно-обслуживания физических лиц; система связи, печать, коммуникации и др.

Вместе с тем на национальном уровне зачастую определяется множество показателей, отражающих уровень жизни населения. Однако далеко не всегда методики расчета этих показателей совпадают. В частности, зачастую для оценки уровня жизни применяется в отдельности или в комплексе с другими показателями такой критерий, как уровень бедности. Определение национальной черты бедности существенно различается в зависимости от той или иной страны. Так, среди экономически развитых стран показателем пример Канады. В этой стране нет официальной черты бедности. В качестве альтернативы рассчитываются три показателя бедности – «границы низких доходов, показатель низких доходов и оценка потребительской корзины» [9]. Границы низких доходов определяются после уплаты налогов и базируются на определении доли расходов на три базовых продукта: питание, жилье и одежда. Граница низких доходов определяется как величина на 20 п.п. выше, чем среднее значение для всех домохозяйств. При этом

учитывается размер семьи (7 групп) и размер района (5 групп). То есть фактически устанавливается 35 различных границ. Показатель низких доходов учитывает среднюю величину дохода домохозяйств. Он определяется как половина медианного дохода, остающегося после уплаты налогов, с учетом размера семьи. Однако территориальные различия не рассматриваются. Как видно, оба эти показателя являются относительными, что создает трудности для их оперативного расчета. Метод потребительской корзины применяется для определения минимальной стоимости жизни, данный метод позволяет получить абсолютную меру низкого дохода. В рамках корзины учитываются расходы на продукты питания, одежду и обувь, арендную плату, общественный транспорт и другие необходимые товары и услуги. Таким образом, при отсутствии официальной черты бедности, в Канаде фактически рассчитываются три показателя в данной сфере. Региональные различия отражаются в виде уровня цен в той или иной местности.

В Финляндии также нет нормативно закрепленного определения бедности или черты бедности. По аналогии с прочими странами Европы применяется оценка относительной бедности, для которой количественной характеристикой риска выступает обозначенный статистической службой ЕС уровень в 60% от величины медианного дохода. То есть применяется показатель «Уровень риска бедности», определяемый как доля жителей с эквивалентным располагаемым доходом, величина которого ниже порога бедности, определяемого на уровне 60% национального медианного значения данной величины [9]. В обоих случаях показатели рассматриваются с учетом социальных трансфертов. Важной его составляющей является так называемый эквивалентный располагаемый доход, он рассматривается как общий доход домохозяйства, определяемый после уплаты налогов, а также прочих обязательных выплат, используемый на потребительские расходы или сбережения, приходящийся в среднем на одного члена домохозяйства с поправкой на перевод показателя в эквивалент взрослого человека. Данная поправка производится путем введения весовых коэффициентов исходя из возраста членов домохозяйства с применением «модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР» [9].

Таким образом, малоимущими считаются лица, включенные в домохозяйства с доходом на потребительскую единицу менее чем 60% от медианного дохода всех домохозяйств.

Показатели оценки качества жизни в США

При этом, в дополнение к оценкам, предусмотренным общеевропейскими стандартами, национальное агентство статистики Финляндии публикует сведения о малоимущих, определенных исходя из отметки 50% эквивалентного медианного дохода. Для исследования формируется выборка, включающая 10–16 тыс. чел. Используются как официальные источники, так и методы интервьюирования. С 2002 г. при учете распределения дохода применяется указанная выше шкала потребительских единиц, в рамках которой все члены домохозяйств распределены по рангам. Первому взрослому присваивают вес 1,0; остальным лицам в возрасте от 14 лет – вес 0,5; детям младше 14 лет – вес 0,3. Таким образом, эквивалентный доход определяется путем сопоставления дохода домохозяйств тех или иных типов с учетом преимуществ от совместно потребления.

Несколько иная ситуация наблюдается в Болгарии, отличающейся более низким уровнем экономического развития, где при том, что за черту бедности, как и в других странах Европы, принимается 60% от медианы указанного ранее эквивалентного дохода, данный уровень не был включен в официальную методику. В связи с этим имеется возможность корректировки показателя от 50 до 70%. Используемый в стране подход, устанавливающий порядок определения черты бедности, позволяет рассчитать минимальную величину расходов, обеспечивающих удовлетворение объективно обусловленных потребностей малоимущих домохозяйств. Метод установления количественной оценки «минимальной корзины потребительских товаров» напрямую не фигурирует в национальном статистическом учете. В принципе данная корзина может рассматриваться как аналог абсолютной черты бедности. Основная трудность в практическом применении этого подхода заключается в трудности определения единого мнения экспертов по вопросам состава корзины. Несомненно, он должен соответ-

ствовать экономическому положению, обеспечивать стабильность социального обеспечения, учитывать национальные особенности, а также специфику условий жизни в той или иной стране (регионе). В Болгарии механизм установления соотношения минимального размера оплаты труда (МРОТ) с чертой бедности и с уровнем средней номинальной заработной платы базируется на результатах коллективных обсуждений с участием профсоюзов и работодателей. Данная величина привязывается к указанным параметрам посредством установления двух интервалов (широкого и узкого) в ходе проведения переговоров по МРОТ. Подобный механизм получил распространение в странах Европейского союза.

Черта бедности используется как инструмент для формирования и реализации целенаправленной государственной политики по снижению показателей бедности и предполагает определение малоимущего населения с помощью различных индикаторов в зависимости от установленных критериев бедности. Поддерживаемые домохозяйства или лица, нуждающиеся в социальной помощи, определены соответствующим законом. Следует отметить, что в качестве основных уязвимых групп рассматриваются домохозяйства с детьми (в том числе проживающие отдельно матери и отцы, многодетные семьи, а также семьи, в которых есть дети школьного возраста); граждане пожилого возраста (в том числе одинокие люди и пенсионеры); лица с ограниченными физическими способностями, включая одиноких инвалидов и семьи, включающие детей или родителей с установленной категорией инвалидности.

Проработанностью и системностью характеризуется система параметров социальной статистики Франции, разработанная Национальным институтом статистики и экономических исследований. Эта методика определяет четыре группы показателей, оценивающих численность и структуру населения различных возрастных групп,

трудовых ресурсов, а также условия труда, распределение и использование получаемых доходов, условия жизнедеятельности лиц и домохозяйств, социальные аспекты уровня жизни населения.

Комплекс показателей, используемых в США, включает 13 разделов, представленных на рисунке.

В качестве альтернативы ВВП при оценке уровня и качества жизни населения предлагалось использовать индекс истинного развития, также разработанный в США.

Заключение

Проведенный анализ показал, что уровень жизни может определяться через различные категории, включая величину доходов, удовлетворенность населения, доступность тех или иных благ. Одним из наиболее распространенных критериев является уровень бедности населения. Однако его определение само по себе является задачей, требующей как научной, так и сугубо практической оценки. Как показывают результаты анализа, использование абсолютной черты бедности целесообразно для стран с развивающейся экономикой. Так, применение данного подхода обеспечивает лучшую защиту малообеспеченных слоев населения во время экономического кризиса. Следует отметить, что задача повышения уровня жизни тесно связана с множеством других задач, включая необходимость обеспечения миграционной привлекательности территории, повышения уровня доходов населения, необходимость развития системы. Исходя из этого необходима разработка методики оценки уровня жизни населения, которая бы комплексно отражала различные состав-

ляющие уровня жизни населения и позволяла исследовать количественную взаимосвязь [10] с другими значимыми параметрами развития региональной системы.

Список литературы

1. Андреева О.Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие // Ойкумена. 2012. № 4. С. 68–77.
2. Ларичев С.А., Назарова М.В. Методологические подходы к оценке качества и уровня жизни населения России // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы VI Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10 декабря 2017 г.). СПб.: Свое издательство, 2017. С. 111–113.
3. Древицкая И.Ю. Уровень и качество жизни населения: соотношение понятий // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. 2018. № 8. С. 91–94.
4. Курдова М.А., Подгорная С.А. Уровень и качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития страны // Аллея науки. 2018. № 6. С. 359–362.
5. Стоимость жизни и ее измерение / Под ред. В.М. Рутгайзера, С.П. Шпилько. М.: Финансы и статистика, 1991. 173 с.
6. Власюк Л.И., Строев П.В. Методика определения уровня развития человеческого капитала и его дифференциация в регионах России // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 4. С. 86–95.
7. Горелов Н.А. Политика доходов и качества жизни населения. СПб.: Лидер, 2003. 75 с.
8. Орешников В.В. Исследование влияния уровня развития социальной инфраструктуры на миграционную привлекательность территории с применением методов экономико-математического моделирования // Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 4. С. 110–115.
9. Руководство по измерению бедности // ООН. Женева, 2017. 211 с. [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
10. Низамутдинов М.М. Методические аспекты разработки инструментария моделирования и информационной поддержки формирования прогнозов демографического развития регионов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 4. С. 102–109.

УДК 339.5
DOI 10.17513/fr.43501

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОПЕРАТОРА В ПРАКТИКЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Плюснина О.М., Стремоусова Е.Г.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург,
e-mail: om.plusnina@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с совершенствованием института уполномоченных экономических операторов (УЭО) в практике таможенных органов. Актуальность темы определила постановку цели и задач исследования. Признание статуса УЭО является одним из ключевых механизмов содействия международной торговле. В российской практике вопросы, касающиеся функционирования института УЭО, недостаточно изучены, поэтому представляют научный интерес. Деятельность УЭО как юридического лица регулируется законодательством государств – членов ЕАЭС. Впервые понятие УЭО появилось в Таможенном кодексе Таможенного союза, в котором статус УЭО предоставлял всего три специальных упрощения во внешнеэкономической деятельности. При этом некоторые недобросовестные участники ВЭД, используя институт УЭО, стали нарушать законодательство. Со вступлением в силу Таможенного кодекса ЕАЭС законодательство расширило список преимуществ и увеличило количество требований к соискателям. Также расширился круг лиц, в отношении которых действует программа УЭО. Однако в Российской Федерации институт УЭО развивается неравномерно, как во времени, так и в пространстве. Для определения наиболее значимых факторов, замедляющих процесс развития УЭО, были рассмотрены критерии, требования, условия регистрации УЭО и комментарии к ним, которые должны способствовать развитию института УЭО в условиях трансформации внешнеторговой деятельности России.

Ключевые слова: уполномоченный экономический оператор, таможенные органы, Федеральная таможенная служба, участник внешнеэкономической деятельности, Таможенный кодекс, оптимизация таможенной деятельности

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE INSTITUTION OF AN AUTHORIZED ECONOMIC OPERATOR IN THE PRACTICE OF CUSTOMS AUTHORITIES

Plyusnina O.M., Stremousova E.G.

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: om.plusnina@yandex.ru

The article discusses issues related to the improvement of the institution of authorized economic operators (AEO) in the practice of customs authorities. The relevance of the topic determined the formulation of the purpose and objectives of the study. Recognition of the AEO status is one of the key mechanisms for facilitating international trade. In Russian practice, issues related to the functioning of the AEO institute have not been sufficiently studied, therefore they are of scientific interest. The activity of AEO, as a legal entity, is regulated by the legislation of the EAEU member states. For the first time, the concept of AEO appeared in the Customs Code of the Customs Union, in which the AEO status provided only three special simplifications in foreign economic activity. At the same time, some unscrupulous participants of foreign economic activity, using the institute of AEO, began to violate the law. With the entry into force of the Customs Code of the EAEU, the legislation expanded the list of advantages and increased the number of requirements for applicants. Also, the circle of persons in respect of whom the AEO program operates has expanded. However, in the Russian Federation, the AEO institute is developing unevenly, both in time and in space. To determine the most significant factors slowing down the AEO development process, the criteria, requirements, conditions for AEO registration, as well as comments on them, which should contribute to the development of the AEO institute in the conditions of transformation of Russia's foreign trade activity, were considered.

Keywords: authorized economic operator, customs authorities, Federal Customs Service, participant in foreign economic activity, Customs Code, optimization of customs activities

В условиях турбулентности конъюнктуры мирового рынка, трансформации внешнеторговых потоков, динамики товарного спроса и предложения в региональных хозяйственных комплексах страны, происходит существенное повышение нагрузки на определенные структурные подразделения таможенных органов, что отражается на эффективности их работы в целом. На протяжении многих лет в России, так же

как и в ряде зарубежных стран, одним из направлений улучшения деятельности таможенных органов, предполагающим оптимизацию процессов таможенного регулирования и администрирования, является внедрение и развитие деятельности уполномоченных экономических операторов.

Обобщая представленные в разных источниках дефиниции термина «уполномоченный экономический оператор» (УЭО),

можно утверждать, что УЭО является юридическое лицо, в том числе обладающее правом частной собственности, признанное государственным таможенным органом и включенное в государственный таможенный реестр как лицо, наделенное государством правом осуществлять деятельность, связанную с международным продвижением товаров.

В международной практике давно и активно развивается институт УЭО, тогда как в России формирование системы уполномоченных экономических операторов проходит достаточно сложно, так как прежде, чем войти в таможенный реестр, требуется пройти многочисленные рамочные стандарты безопасности, состоящие из значительного набора критериев [1, 2]. Данное условие, с одной стороны, обеспечивает надежность и прогнозируемость деятельности УЭО, а с другой стороны, делает процесс трудоемким и длительным.

Целью исследования является оценка современного состояния института уполномоченных операторов и формулировка возможных предложений по его совершенствованию.

Оценка степени изученности проблемы показала, что теоретико-методические и организационные вопросы формирования института УЭО изучены зарубежными и отечественными специалистами экономики и права и нашли свое отражение в законодательно-нормативной документации как отдельных стран, так и международных организаций. Наиболее известными правовыми актами, регламентирующими деятельность УЭО, являются:

- Конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур [3];
- Регламент № 952/2013 «Устанавливающий Таможенный кодекс Союза» (Европарламента и Евросоюза) [4];
- Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] и др.

Проблемы формирования и функционирования института УЭО изложены в публикациях материалов исследований разных авторов, представителей науки и практики. Так, Л.А. Коптева и Е.М. Борисова исследуя правовые основы института УЭО, пришли к выводу о том, что в настоящее время в России, с одной стороны, «создана нормативно-правовая база для функционирования УЭО, но с другой – много нерешенных вопросов по реализации деятельности УЭО и участников внешнеэкономической деятельности...» [6, с. 8].

Материалы и методы исследования

Методы исследования были выбраны исходя из того, что в соответствии с целью данной работы было обращено внимание не только на законодательно-нормативные документы, но и на организационно-экономический механизм, поэтому наряду с использованием эмпирического метода и метода экспертных оценок также были применены некоторые методы статистического анализа.

Анализ института УЭО в Российской Федерации показал, что обобщенной целью создания института уполномоченных экономических операторов является создание благоприятных и безопасных условий для интенсивного развития внешнеэкономической деятельности, в том числе торговли, на основе государственно-частного партнерства. Система уполномоченных экономических операторов, как правовой институт, представляет собой совокупность взаимосвязанных законодательно-правовых норм, обеспечивающих интересы государства и частных лиц, участвующих во внешнеэкономической деятельности. Основные структурные элементы экономического института уполномоченных экономических операторов представлены на рис. 1.

Рис. 1. Основные структурные элементы института УЭО

**Результаты исследования
и их обсуждение**

В ходе исследования современного состояния института УЭО было проанализировано соответствие целей создания данного экономико-правового института с другими его элементами. В результате был выявлен некоторый диссонанс – негармоничное сочетание общей цели с некоторыми элементами системы – мешающий развитию данного института в Российской Федерации.

По состоянию на 14 июня 2023 г. (достаточно сложный период для развития внешней торговли, характеризующийся резким увеличением экономических санкций со стороны развитых стран и транснациональных компаний в отношении России, касающихся в том числе сложившихся транспортно-логистических цепочек), количество вновь создаваемых УЭО незначительно возросло (на 3 ед., или на 11,5%) по сравнению с резким спадом 2021 г. (на 43 ед., или на 62,3%, по сравнению с 2020 г.; или на 57 ед. (на 68,7%) по сравнению с 2019 г.). Динамика регистрации УЭО представлена в табл. 1.

На 14 июня 2023 г. в реестре Федеральной таможенной службы как действующие УЭО числятся 160 юридических лиц. Большинство из них имеют свидетельство о регистрации УЭО третьего типа (75 из 203 УЭО), которое является упрощенной формой регистрации и выдается при условии, что УЭО ранее не менее двух лет имело свидетельство о регистрации первого или второго типа. Из 203 действующих УЭО лишь 16% составляют вновь зарегистрированные за последние 18 месяцев. Данные факты позволяют предположить

наличие низкой заинтересованности юридических лиц в данном виде деятельности.

Об экономической привлекательности статуса УЭО более полно и объективно можно было бы судить, если было бы возможно получить результаты сравнительной оценки эффективности данной деятельности, основанные на анализе данных об объеме товарооборота, проходящего через УЭО; о времени, затраченном в среднем на выполнение одной таможенной операции (и в совокупности); о денежных затратах на оплату услуг УЭО; о стоимости затрат УЭО на осуществление своей деятельности. Однако информации по данным показателям, а также об эффективности деятельности существующих УЭО нет в открытом доступе, поэтому можно предположить, что неплохие результаты, скорее всего, имеют те УЭО, которые дольше находятся в реестре, например:

- акционерное общество «Морион» – один из мировых лидеров в области разработки и серийного производства пьезоэлектронных приборов;

- общество с ограниченной ответственностью «Асвалогистика», специализирующееся на автодорожных перевозках;

- общество с ограниченной ответственностью «СП ВИС-МОС», осуществляющее деятельность, связанную со строительством инженерных коммуникаций и т.п., а также с перевозкой грузов неспециализированными автотранспортными средствами и др.;

- общество с ограниченной ответственностью «Керама Марацци», специализирующееся на производстве и реализации керамических изделий;

Таблица 1

Динамика регистрации уполномоченных экономических операторов (УЭО) на 26 июня 2023 г., количество в штуках [7]

Показатели оценки	годы					Итого
	2019	2020	2021	2022	за 1-е полугодие 2023	
Количество зарегистрированных УЭО в год регистрации	83	69	26	29	14	221
Количество УЭО в реестре по состоянию на 14 июня 2023 г., с учетом тех, которые исключены или приостановили свою деятельность	73	61	26	29	14	203
действующие с момента регистрации по состоянию на 14 июня 2023 г.	57	40	21	28	14	160
Отклонение числа действующих с момента открытия от зарегистрированных, %	68,7	58,0	80,8	96,5	100	72,4
Включены в реестр 2023 г. как исключенные	13	18	5	1	–	37
Включены в реестр как приостановившие свою деятельность по состоянию на июнь 2023 г.	3	3	–	–	–	6

– общество с ограниченной ответственностью «Техно-Трейдинг», осуществляющее деятельность, связанную не только с продажей продукции промышленно-производственного назначения, но и с предоставлением транспортных услуг по перевозке грузов и др.;

– публичное акционерное общество «Сургутнефтегаз», являющееся одним из лидеров разведки, добычи и переработки нефти и газа; и другие виды деятельности;

– общество с ограниченной ответственностью «Пивоваренная компания "Балтика"».

Представленные компании, имеющие статус УЭО, по основной своей деятельности относятся к разным отраслям и подотраслям экономики, однако свой продукт они реализуют не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, и поэтому регистрация их в статусе УЭО позволяет сократить время и сэкономить средства на проведение таможенных процедур.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, заключается в том, что существующие в настоящее время УЭО взаимодействуют в основном с Центральным таможенным управлением (в среднем около 50 % от всех предусмотренных законодательством операций) и намного меньше с региональными таможенными управлениями. При этом такие виды деятельности УЭО, как временное хранение, доставка товаров в зону таможенного контроля, осуществление таможенного контроля и т.п., предполагает их осуществление в месте расположения таможенной границы, которая для автомобильных, железнодорожных и водных перевозок находится на периферии страны, но именно там менее всего зафиксирована деятельность УЭО. Например, на восточной границе – в Дальневосточном, а также в Северо-Кавказском таможенных управлениях деятельность УЭО составляет около 1 % от всего объема деятельности, осуществляемой УЭО. От 10 до 15 % представлена деятельность УЭО в Северо-Западном, Южном, Поволжском и Уральском таможенных управлениях, т.е. в тех регионах, где бизнес-среда более благоприятная, деятельность УЭО представлена в большей мере. Вместе с тем трансформация внешнеторговой деятельности и ее расширение в азиатских странах, а также перспектива развития новых логистических маршрутов через азиатские страны обуславливают актуальность активизации деятельности УЭО в Северо-Кавказском округе. Вместе с тем данные табл. 1 свидетельствуют о наличии роста регистрации УЭО,

даже в условиях снижения и трансформации сложившихся внешнеторговых связей со многими основными партнерами. Однако доля остающихся в реестре УЭО всего лишь около 70 % от включенных в реестр, поэтому данный факт требует анализа причин, по которым значительная доля УЭО прекращает свою деятельность в течение первых двух лет. Причины могут быть разные, в том числе связанные с недобросовестным исполнением УЭО доверенных им обязанностей.

Преимущества и недостатки деятельности УЭО сформулированы во многих официальных документах и в обобщенном виде выложены на сайте Федеральной таможенной службы. Некоторые преимущества и недостатки представлены на рис. 2.

Как показывает практика, преимуществ у УЭО значительно больше, чем недостатков. Однако в Российской Федерации регистрация желающих получить статус УЭО незначительна в масштабах национальной экономики. По мнению экспертов, это объясняется, с одной стороны, жесткими требованиями, многочисленными критериями и условиями, которые необходимо выполнять для получения данного статуса, а с другой стороны, нежеланием проходить многочисленные проверки таможенных служб, соблюдения таможенного законодательства при выполнении возложенных на УЭО функций.

Вместе с тем, по мнению практиков, основными препятствиями к подаче заявлений на присвоение статуса УЭО выступают жесткие, с точки зрения большинства претендентов, требования к финансовой устойчивости; открытым площадкам и отчетности. Пример расчета финансовой устойчивости претендентов на статус УЭО, выполненный на основании требований Регламента № 952/2013 Европейского парламента и Совета Европейского союза, приведен в табл. 2.

Однако в современных нестабильных условиях внешнеэкономическая деятельность, скованная экономическими санкциями со стороны крупных внешних партнеров, делает исполнение данных условий весьма проблематичным. Вместе с тем появляются перспективы развития внешнеэкономических, в том числе торговых, отношений с партнерами из стран, не участвующих в санкциях. Поэтому можно предположить, что в условиях развития внешнеторговых отношений с дружественными странами и увеличением товарооборота с ними, потребность в увеличении количества УЭО будет возрастать.

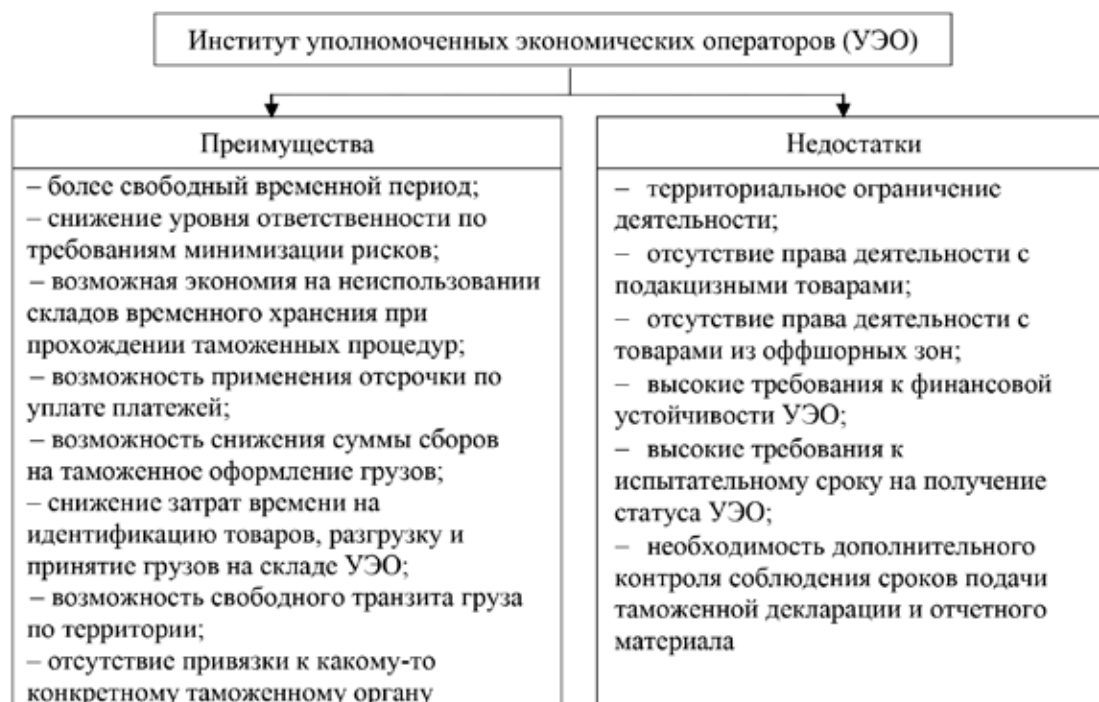

Рис. 2. Основные организационно-экономические преимущества и недостатки российского института УЭО

Таблица 2

Расчет значений показателей финансовой устойчивости и совокупного показателя финансовой устойчивости

№ п/п	Наименование показателя	Критерий показателя (минимальный)	Значимость показателя в баллах
1	Чистые активы	≥ 9 млн руб.	30
2	Величина уставного капитала	≥ 6 млн руб.	10
3	Остаточная стоимость основных средств	6 000 000	10
4	Коэффициент автономии	≥ 0,30	
5	Коэффициент общей (текущей) ликвидности	≥ 1,00	10
6	Рентабельность собственного капитала	≥ 5 %	5
7	Коэффициент финансовой устойчивости	≥ 0,6	
8	Коэффициент обеспеченности текущей деятельности собственными оборотными активами	≥ 0,10	5
9	Коэффициент маневренности собственного капитала	≥ 0,20	5
10	Совокупный показатель юридического лица, претендующего на включение в реестр (минимум 50 баллов)		

Для дальнейшего развития УЭО в современных условиях необходимо:

– оптимизировать, в сторону смягчения, требования по финансовой устойчивости претендентов на статус УЭО, хотя бы на период действия экономических санкций, применяемых к России со стороны наиболее экономически развитых стран;

– рассмотреть варианты содействия и содействия, со стороны представителей региональной власти претендентам, в предоставлении и обустройстве УЭО открытых площадок для временного хранения товаров при прохождении таможенного контроля;

– совершенствование программ обучения и повышения квалификации для жела-

ющих стать уполномоченным экономическим оператором и тех, кто уже получил этот статус.

Заключение

В заключение можно отметить, что УЭО – это важный инструмент оптимизации таможенной деятельности, который действует во многих странах мира. В России он был введен в 2012 г., но особенно его значимость проявилась с созданием ЕАЭС, в частности с принятием Таможенного кодекса ЕАЭС.

УЭО позволяет не только оптимизировать деятельность таможни, но и предоставляет возможность для бизнеса минимизировать расходы времени и денежных средств на совершение таможенных операций, а также оптимизировать транспортно-логистическую цепочку поставок продукции. Вместе с тем создание УЭО не вызывает ажиотажа у бизнеса, так как для получения статуса требуется потратить много времени и усилий из-за слишком жестких и многочисленных требований для регистрации данного вида деятельности, в частности высоких критериев для оценки финансовой устойчивости. Безусловно, имеющиеся причины, ограничивающие развитие данного вида деятельности, необходимо детально изучать и по возможности устранять.

Список литературы

1. Кузнецова О.П., Кириллов Ю.Г., Кузнецов В.В. Уполномоченный экономический оператор: проблемы и перспективы развития в современных условиях российского таможенного администрирования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–2 (82). С. 30–37.
2. Рыльская М.А., Некрасов Д.В. Институт уполномоченного экономического оператора в контексте теории права // Вестник финансового университета. 2014. № 1. С. 122–128.
3. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // «Собрание законодательства РФ». 08.08.2011. № 32. Ст. 4810.
4. Регламент № 952/2013 Европейского парламента и Совета Европейского союза «Устанавливающий Таможенный кодекс Союза (в новой редакции)» (Вместе с «Корреляционной таблицей») (Принят в г. Страсбурге 09.10.2013) Официальный веб-сайт Европейского союза. Документ 32013R0952. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/952/oj> (дата обращения: 06.04.2023).
5. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018. № 289-ФЗ, в ред. от 01.05.2019 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093 (дата обращения 06.04. 2023).
6. Коптева Л.А., Борисова Е.М. Правовые основы института уполномоченного экономического оператора и его роль в обеспечении экономической безопасности России // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 4. С. 1–20.
7. Реестр Уполномоченных экономических операторов // Официальный веб-сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/720?page=3> (дата обращения: 20.06.2023).

УДК 339.926
DOI 10.17513/fr.43502

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Самусенко С.А., Ямщиков А.С., Ревкуц А.В., Мельникова Т.А., Семенова А.Р.

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, e-mail: arevkuts@sfu-kras.ru

В условиях геополитического кризиса и масштабных санкций перед национальной экономикой встает проблема обеспечения технологического суверенитета, которая может быть решена через восстановление кооперационных связей между отечественными наукой и промышленностью. Большая часть регионов – драйверов экономического развития России относится к регионам ресурсного типа, основу производства которых составляют третий и четвертый технологические уклады. Для таких территорий характерен догоняющий тип развития, основанный на внешних заимствованиях технологий и разработок. На примере типичного ресурсного региона России, Красноярского края, проведен статистический анализ отраслевой структуры экономики региона, выявлены доминирующие технологические уклады, оценена динамика технологического экспорта и импорта, показаны основные уязвимости региональной инновационной системы, обусловленные высоким уровнем технологических заимствований. Глубинные интервью с промышленными предприятиями и организациями сферы науки и образования позволили выявить проблемы в сфере технологического взаимодействия секторов науки и промышленности и определить потребности ведущих предприятий в исследованиях и разработках, а также исследовательский потенциал региональных университетов и научных организаций. Сформулированы предложения по налаживанию кооперационных связей, трансферу технологий из науки в промышленность.

Ключевые слова: научно-технологический потенциал, технологический суверенитет, международная торговля технологиями, региональная инновационная система, региональная экономика

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «Разработка концепции научно-технологического развития Красноярского края» № 2022112709166.

THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CAPACITY OF THE KRASNOYARSK KRAI IN THE CONTEXT OF CHANGE IN INTERNATIONAL COOPERATION

Samusenko S.A., Yamschikov A.S., Revkuts A.V., Melnikova T.A., Semenova A.R.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, e-mail: arevkuts@sfu-kras.ru

Now, under geopolitical crisis and large-scale sanctions, the Russian economy faces the problem of ensuring technological sovereignty, which can be solved through the restoration of collaboration between domestic science and industry. Most of the regions that drive Russia's economic development belong to the type of resource-abundant regions. Their industrial patterns based on the third and fourth technological paradigms. Such territories are characterized by a catch-up type of development based on external borrowing of research and developments (R&D). In the article, we used statistical data of the Krasnoyarsk Krai, which is the example of a typical resource region of Russia. We have carried out a statistical analysis of the sectoral structure of the regional economy, identified the dominant technological paradigms, assessed the dynamics of technological exports and imports, and systematized the main vulnerabilities of the regional innovation system due to the high level of technological borrowing. In-depth interviews with industrial enterprises, universities and scientific organizations let us a possibility to identify issues in technological interaction between the sectors of science and industry and determine the needs of leading enterprises in research and development, as well as the research potential of the regional universities and scientific organizations. In the conclusion, we have formulated proposals for establishing collaboration and knowledge and technology transfer from science to industry.

Keywords: scientific and technological capacity, technological sovereignty, international trade in technology, regional innovation system, regional economy

The research was carried out with the support of KSAU «Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-Technical Activities» within the framework of the project «Development of the concept of scientific and technological development of the Krasnoyarsk Territory» No. 2022112709166.

Научно-технологический потенциал территории определяется ее способностью усваивать и сохранять научные знания и использовать их для проведения исследований и разработок для экономического роста и улучшения качества жизни [1]. Укрепле-

ние международного научно-технического сотрудничества и создание устойчивых сетей взаимодействия между компаниями из разных стран способствуют стабилизации национальной экономики и быстрому развитию науки [2]. Наиболее значимыми

факторами в развитии потенциала международного научно-технологического сотрудничества являются систематическое академическое взаимодействие и академическая мобильность; размер инвестиций в финансирование научных организаций; формализация сотрудничества через базовые межгосударственные соглашения [3].

Международное сотрудничество может осуществляться в разных формах: наряду с совместными исследованиями и разработками, обогащающими научный потенциал обоих участников, может практиковаться приобретение готовых технологий, разработок и оборудования. При этом паттерны инновационной активности фирм определяются их отраслевой принадлежностью: компании малого и среднего бизнеса, занятые в традиционных отраслях, ориентированы на «присвоение» инноваций; крупный бизнес, производящий стандартные товары, стремится к процессным инновациям через сотрудничество с поставщиками или формирование кластерных взаимодействий вдоль всей технологической цепочки; в тесной кооперации с наукой находятся и развивают собственные исследования и разработки только компании, работающие в передовом технологическом укладе [4].

Таким образом, тип инновационного развития страны или региона определяется стандартами инновационной активности доминирующих в их экономике компаний и зависит от траектории их технологического развития (*technological path dependency*), а также от того, смогли ли ведущие отрасли национальной или региональной экономики войти в новый технологический уклад [5]. Необходимость заимствовать передовые технологии, созданные другими странами, и их институциональные модели инновационного развития идентифицирует так называемый «догоняющий» тип развития, тогда как выбор оригинальных стратегий технологического развития наряду с опорой производителей на собственные знания и технологии характерен для развития опережающего типа [6].

Закрепление страны и ее регионов в корте догоняющих, замыкание в ловушке технологического отставания формирует угрозы технологическому суверенитету – устойчивому состоянию экономической системы страны, которое обеспечивается достаточным уровнем автономности технологий и наличием разработок, обеспечивающих технологический паритет с ведущими мировыми державами [7]. Исторически сложившееся в России разделение эконо-

мических функций между субъектами федерации привело к формированию различных моделей развития регионов, при этом попадание ключевых, обеспечивающих ВВП и бюджет страны регионов в ловушку догоняющего развития создает в условиях геополитического кризиса угрозы технологическому суверенитету страны в целом.

Красноярский край – типичный ресурсный регион, основу экономики которого составляют цветная металлургия, нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение и металлообработка; на территории края действуют и передовые компании атомной и ракетно-космической отрасли. Красноярский край входит в десятку регионов – лидеров по объему ВРП, занимает 7 место в РФ по объему инвестиций (6382,2 млрд руб. за 2000–2022 гг.). ВРП на душу населения (2020 г.) – 951,6 тыс. руб., что на 44,5% выше, чем по Сибирскому федеральному округу, и на 33% выше, чем по РФ [8].

Цель исследования состоит в оценке научно-технологического потенциала одного из ключевых для экономического роста России регионов – Красноярского края, определении основных угроз технологическому суверенитету и возможностей по их преодолению в условиях меняющихся международных взаимодействий.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы официальные статистические данные Росстата, а также материалы опросов и глубинных интервью с представителями ведущих компаний добывающей и обрабатывающей промышленности, сферы науки и образования Красноярского края. В ходе исследования применялись методы сравнительного и статистического анализа, теоретического анализа профессиональных источников литературы, интервью.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторская методика комплексной оценки технологического развития экономики региона показала, что народное хозяйство Красноярского края на 76,9% представлено предприятиями четвертого технологического уклада, третий технологический уклад занимает 14,2%, второй – 5,2%, первый – 3,2%, тогда как доля самого высокотехнологичного пятого уклада критически мала (1,7%). Более того, в регионе отмечается расширение только четвертого технологического уклада, в основном за счет добычи сырой нефти и оказания услуг в этой области [9, с. 55].

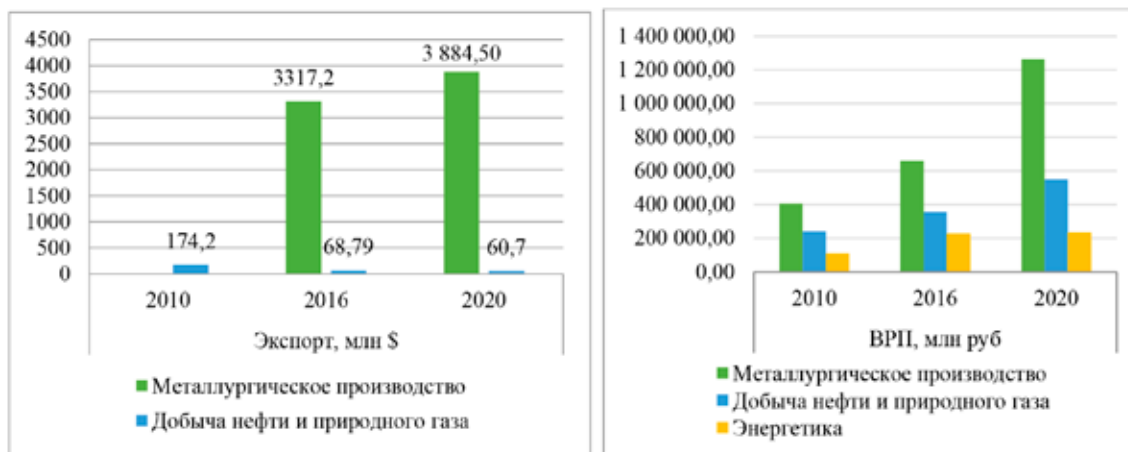

Рис. 1. Экспорт продукции цветной металлургии и нефтегазовой отрасли Красноярского края (слева) за 2010–2020 гг., млн долл. США, ВРП ведущих отраслей Красноярского края (справа), млн руб.
Источник: Составлено авторами по данным Росстата [8]

В составе промышленного комплекса края выделяются три базовые отрасли, удельный вес которых в объеме промышленного производства занимает более 80%: цветная металлургия, энергетика, нефтегазовая отрасль; эти производства, относящиеся к четвертому технологическому укладу, имеют наибольший экспортный потенциал и обеспечивают устойчивое наполнение консолидированного бюджета страны (рис. 1). По типу инновационной активности эти предприятия относятся к «активным производителям» [4], они ориентированы на заимствование технологий из стран,

где четвертый уклад был внедрен раньше, но при необходимости могут финансировать собственные исследования и разработки.

Статистические данные подтверждают этот вывод (таблица): в течение длительного периода предприятия региона отдавали предпочтение покупке готовых технологий, включая импортные. Зачастую такие технологии представляли собой комплекс решений и поставлялись в комплекте с необходимым оборудованием. В периоды экономического подъема технологический импорт в регион превышал технологический экспорт в 20–58 раз.

Технологический экспорт и импорт Красноярского края

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт технологий по стоимости предмета соглашения, млн долл. США	10,85	8,35	33,05	24,80	27,39	20,46
Импорт технологий по стоимости предмета соглашения, млн долл. США	90,92	139,54	390,87	530,48	572,15	471,79
Превышение импорта над экспортом, раз	8,38	16,71	11,83	21,39	20,89	23,06

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт технологий по стоимости предмета соглашения, млн долл. США	21,90	12,27	12,82	34,30	4,40	3,90
Импорт технологий по стоимости предмета соглашения, млн долл. США	515,64	527,84	755,56	1605,60	68,50	83,50
Превышение импорта над экспортом, раз	23,55	43,03	58,95	46,81	15,57	21,41

Примечание: составлено авторами по данным Росстата [8].

Региональные научные организации не являются основными поставщиками знаний для крупных местных компаний. При общем бюджете НИОКР десяти крупнейших компаний Красноярского края в размере 55 млрд руб. (2021 г.), совокупный объем внутренних затрат на НИОКР, выполняемых в Красноярском крае, составляет 29,5 млрд руб., из них 25% (или 7,3 млрд руб.) приходится на средства компаний с государственным контролем. То есть лишь 13–15% своего бюджета НИОКР региональные компании тратят на исследования и разработки в пределах края.

Проведенный нами ранее опрос 142 инновационно активных компаний Красноярского края показал, что свыше 70% из них реализует инновационный процесс автономно, не сотрудничает с другими компаниями, не формирует сетей и не распространяет инновации. Значительная доля фирм (34%) взаимодействует в процессе инноваций лишь с поставщиками, покупая технологии и оборудование, менее 13% компаний сотрудничает с университетами. Инновационный процесс в регионе носит закрытый характер: 30% взаимодействий происходит внутри одной группы компаний, лишь 20% фирм участвуют в распространении инноваций, продавая их клиентам. Еще более слабыми являются межсекторальные взаимодействия фирм и их

связи с инновационной инфраструктурой: только 17% компаний взаимодействовали с бизнес-инкубаторами, 13% – с органами государственного управления по вопросам финансирования инноваций. И только 4% опрошенных имеют опыт взаимодействия со стартапами и спин-оффами университетов [9]. В интервью представители компаний – заказчиков НИОКР объясняли неразвитость трансфера технологий из науки в промышленность сложностью и большими временными затратами на адаптацию технологий под конкретное предприятие, отсутствием у организаций образования и науки узких компетенций, а также мощностей (включая помещения, машины, оборудование) для разработок.

Корпоративные заказчики технологий, исследований и разработок из сферы энергетики, цветной металлургии, нефтегазовой промышленности, как правило, размещают центры принятия решений вне региона, в котором находятся только их производящие активы. Это снижает мотивацию крупного бизнеса по комплексному развитию территорий присутствия. Отрасли гражданского машиностроения, лесопереработки, химической промышленности региона прошли через этап деиндустриализации и не имеют ресурсов для технологического прорыва, не могут быть крупными внутренними заказчиками НИОКР.

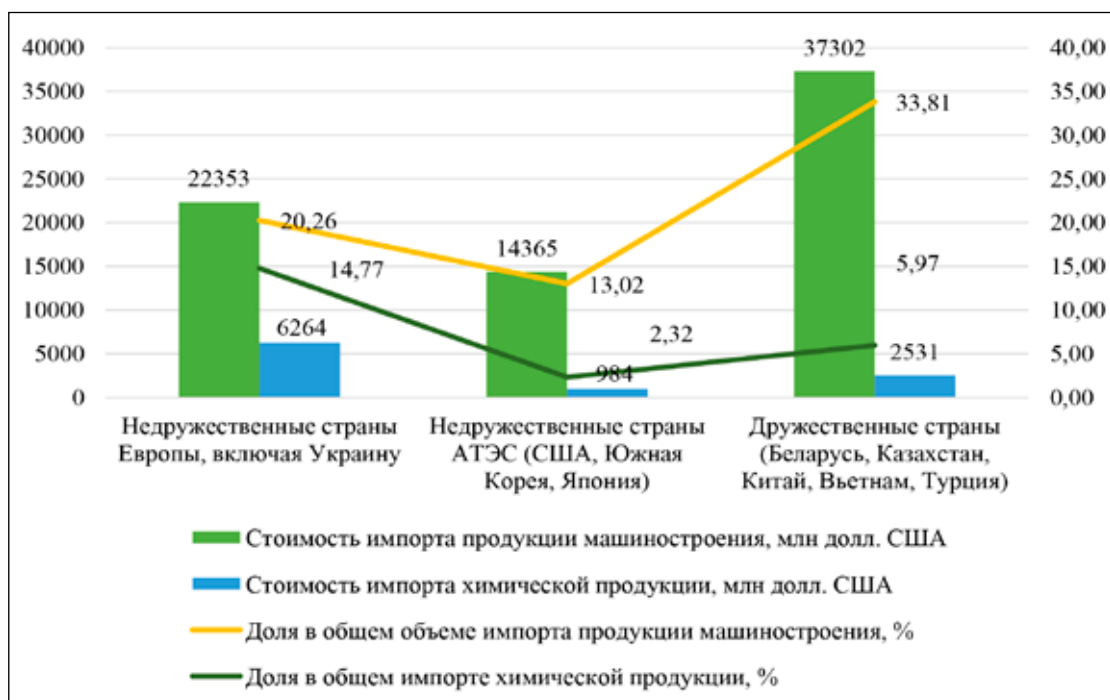

Рис. 2. Стоимость и удельный вес импорта продукции машиностроения и химической промышленности в РФ в 2020 г. в разрезе основных торговых партнеров
 Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [10]

Между тем геополитический кризис и масштабные санкции против России делают прежние стандарты инновационного взаимодействия региональных компаний с внешним миром невозможными. По данным Росстата, основными торговыми партнерами РФ по доле во внешнеторговом обороте в 2021 г. являлись страны Евросоюза (35,9%), включая Германию (7,3%) и Нидерланды (5,9%); страны АТЭС (33,3%), включая Китай (17,9%), США (4,4%), Турцию (4,2%); на страны СНГ приходилось 12,2% внешнеторгового оборота, в том числе на Беларусь – 4,9%, Казахстан – 3,3%. По данным за 2020 г., из стран основных партнеров, ЕС и АТЭС, включенных в 2022 г. в перечень недружественных, импортировалось 33,28% продукции машиностроения и 17,09% химической продукции. На долю дружественных стран – основных торговых партнеров приходилось соответственно 33,81% стоимости импорта продукции машиностроения и 5,97% – химической продукции (рис. 2).

Глубинные интервью с представителями компаний Красноярского края показали, что в настоящее время ими сформировано более 40 запросов на новые технологии, исследования и разработки в десяти приоритетных областях: добыче нефти и газа, производстве алюминия, золота, никеля, прочих цветных и драгоценных металлов, добыче и переработке угля, космической индустрии, атомной промышленности, медицине, лесопереработке и лесохимии и агропромышленном комплексе. Это как узкоотраслевые технологии (гибридные методы геологоразведки, технологии производства новых видов продукции, вторичной переработки отходов, снижения углеродного следа, агрохимия и новые виды удобрений), так и универсальные (технологии искусственного интеллекта, снижение технологической себестоимости, обеспечение производственной безопасности, аддитивные технологии, цифровая трансформация отраслей).

Заключение

Красноярский край, один из регионов – драйверов экономического развития страны, характеризуется застарелыми и неэффективными паттернами инновационного развития, обусловленными стремлением ведущих предприятий, относящихся к четвертому технологическому укладу, заимствовать зарубежные технологии и разработки. В условиях геополитического кризиса для обеспечения технологического суверенитета и устойчивости промышленного

производства необходимо локализовать исследования и разработки на территории Красноярского края и «большой Сибири». В настоящее время создание новых знаний и технологий в региональной инновационной системе Красноярского края осуществляют 9 вузов (из их числа технологическое лидерство обеспечивают 4 университета) и 11 научных организаций. Направленность фундаментальных и прикладных исследований соответствует промышленному профилю региона (металлургия, машиностроение, энергетика, медицинские и биотехнологии, агрохимия), развиты исследования в области биофизики, радионавигации, лесоведения, экологии, вычислительного моделирования. Подсистема использования и адаптации новых знаний и технологий представлена исследовательскими подразделениями компаний металлургии, машиностроения, угольной промышленности. Распространение знаний и технологий в региональной инновационной системе ограничено низкой склонностью к сотрудничеству и слабыми, фрагментарными связями между сектором науки и сектором бизнеса.

В этих условиях регион нуждается в новой концепции научно-технологического развития, которая позволила бы соединить потребности предприятий в исследованиях и разработках с предложениями, исходящими от научных и образовательных организаций. Восстановлению и поддержке трансфера технологий из науки в промышленность должна служить инфраструктура инновационной поддержки, которая сейчас представлена как региональными, так и федеральными институтами развития. На территории края действуют два бизнес-инкубатора (региональный и городской), 5 промышленных (индустриальных) парков, особая экономическая зона «Красноярская технологическая долина», институт финансовой поддержки НИОКР (Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности), а также институты, обеспечивающие в числе иных мер поддержки предприятий поддержку инновационной деятельности (центр поддержки предпринимателей, центр кластерного развития). К инновационной инфраструктуре можно отнести центры трансфера технологий вузов и научных организаций: они созданы и активно работают в Сибирском федеральном университете, Сибирском государственном университете им. М.Ф. Решетнева, Красноярском государственном аграрном университете, Федеральном исследовательском центре «Красноярский научный центр

СО РАН». Однако многие механизмы поддержки несистемны, нерегулярны и носят формально-бюрократический характер, а сам размер поддержки невысок. Эти суммы, при всех прилагаемых сторонами усилиях, просто не позволяют финансировать длительные проекты фундаментального характера. Инфраструктура и ее проекты в малой степени способствуют развитию связей между бизнесом и наукой.

Список литературы

1. Wagner C.S., Horlings E., Dutta A. A Science and Technology Capacity Index: Input for Decision Making. The Hague: Rand Corporation, 2004. 17 p.
2. Kotsemir M., Kuznetsova T., Nasybulina E., Pikalova A. Identifying Directions for Russia's Science and Technology Cooperation // *Foresight and STI Governance*. 2015. Vol. 9, Is. 4. P. 54–72. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.4.54.72.
3. Wang F., Dong Z., Dong J. Can international cooperation base for science and technology drive cooperation ability? Evidence from Xinjiang China // *International Review of Economics & Finance*. 2022. Vol. 82. P. 699–706. DOI: 10.1016/j.iref.2022.08.003.
4. Pavitt K. Sectoral patterns of technical change: towards a taxonomy and a theory // *Research Policy*. 1984. Vol. 13, Is. 6. P. 343–373.
5. Meyer-Krahmer F., Schmoch U. Science-based technologies: university-industry interactions in four fields // *Research Policy*. 1998. Vol. 27, Is. 8. P. 835–851. DOI: 10.1016/S0048-7333(98)00094-8.
6. Левин С.Н., Саблин К.С. Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2021. Т. 12, № 4. С. 60–70. DOI: 10.17835/2078–5429.2021.12.4.060-070.
7. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 4. С. 2193–2212. DOI: 10.18334/vinec. 12.4.116433.
8. Регионы России. Социально-экономические индикаторы. Статистический сборник / под ред. С.Н. Егоренко. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
9. Самусенко С.А., Зимнякова Т.С., Бухарова Е.Б., Поподько Г.И., Бухаров А.В., Гольд М.В., Францева М.В. Экономика Красноярского края: развитие отраслей на основе трансфера знаний и технологий. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 208 с.
10. Торговля в России. 2021: Статистический сборник / под ред. С.М. Окладникова, Н.А. Бобковой. М.: Росстат, 2021. 269 с.